

Фируз Казем-Заде

БОРЬБА ЗА ВЛИЯНИЕ В Персии

Дипломатическое противостояние
России и Англии

Фируз Казем-Заде

**Борьба за влияние в
Персии. Дипломатическое
противостояние России и Англии**

«Центрполиграф»

Казем-Заде Ф.

Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии / Ф. Казем-Заде — «Центрполиграф»,

Автор книги – Фируз Казем-Заде, доктор исторических наук, профессор Йельского университета (США), рассказывает об истории дипломатических отношений России и Англии в Персии со второй половины XIX до начала XX века. В тот период политическое противостояние двух держав в этом регионе обострилось и именно дипломатия позволила избежать международного конфликта, в значительной степени повлияв на ход исторических событий. В книге приведены официальная дипломатическая переписка и высказывания известных политиков.

© Казем-Заде Ф.

© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	5
Примечание	8
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Фируз Казем-Заде Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии

Предисловие

Эта книга – история англо-русских отношений в Персии в течение полувека, предшествующего Первой мировой войне. Интересы двух великих держав сталкивались во многих точках земли от Турции до Китая, но лишь в Персии и Центральной Азии империалистические гиганты встретились лицом к лицу. Моей целью было описать это противостояние.

Исследований по данной теме на удивление мало, всего несколько эпизодов вроде соглашения 1907 г. получили более или менее детальное освещение. Мне пришлось выстроить свое

историческое повествование, привлекая множество неопубликованных и уже известных документов. Их тщательный анализ, интерпретация, оценка и совмещение фрагментов воедино – такова была задача, которой я занимался в течение нескольких лет, чтобы *по-новому* показать проблему.

Книга была бы вдвое больше, если бы я сознательно не ограничивал себя воссозданием русских и британских действий в Персии. Только в тех случаях, когда они должным образом не могли быть поняты без разъяснений, я затрагивал события, происходившие где-либо еще.

История дипломатии считается немодной в наши дни. Но в Персии дипломатия была главным орудием политики, и дипломаты оказывали огромное влияние на развитие событий. Хотя военная сила всегда присутствовала на заднем плане, она редко использовалась.

Экономическое соревнование было в значительной степени побочным продуктом политического конфликта и никогда не играло решающей роли.

Природа данной темы неизбежно превратила эту работу в исследование империализма. Я нигде не давал определения данного термина и отказался строить теоретические выводы относительно его сущности. Независимо от того, какова может быть природа империализма, его значение вполне ясно. Полагая, что объективность – это синоним безразличия, я не скрывал свое отношение к лицам и событиям, описанным в этой книге.

Я благодарен многим ученым и учреждениям за их добрую помощь.

Исследование начиналось под эгидой Русского исследовательского центра и Центра ближневосточных исследований в Гарвардском университете. Профессор Уильям Л. Лангер, в то время возглавлявший оба центра, поддержал мои первые усилия. Профессор Ричард Н. Фри из Гарвардского университета был всегда готов выслушивать мои истории про шахов, министров, генералов и авантюристов любого рода.

Доктор Хоадад Фарманфармаан, теперь заместитель директора Центрального банка Ирана, терпеливо меня посвящал в некоторые «лабиринты» международных крупных финансовых операций. Йельский университет предоставил мне два отпуска: один – для проведения исследования в Англии, другой – для завершения работы. Профессора Джордж В. Пиерсон и Артур Ф. Райт неизменно проявляли интерес к моему исследованию. Мисс Ф. Пфлуджер, исполнительный секретарь отделения истории, способствовала изданию и переизданию рукописи.

Профессор Никки Кедди из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе прочла эту рукопись и предложила множество ценных замечаний. Мои старые друзья профессора Амин Банани из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и Марио Родригес из университета Джорджа Вашингтона знают, о чем написана эта книга, даже не прочтя ее. Профессор Говард Гарей из Йельского университета, мой ближайший сосед по Трамбальскому колледжу, прочитал рукопись, имевшую отдаленное отношение к вопросам его собственных научных интересов. Я благодарен за многие предложения, которые он сделал.

Госпожа Мариан Н. Эш, главный редактор издательства Йельского университета, и мисс Кэсей Миллер внесли значительный вклад, невидимый для читателя, но известный автору и оцененный им.

Я желаю выразить мою благодарность сотрудникам Библиотеки министерства по делам Содружества Наций и ее директору Джозефу Суттону и сотрудникам Государственного архива в Лондоне за их неизменную помощь. Я вынужден, к сожалению, отметить, что в информационном агентстве Рейтер на Флит-стрит мне отказались предоставить доступ к архиву их организации.

Я недоумеваю по поводу их нежелания обнародовать тайны, которым более девяноста лет, так же как и по поводу их бесцеремонной, чтобы не сказать невежливой, манере отказа.

Больше всего я обязан моему отцу, Казем Казем-Заде, чей дипломатический опыт в Иране и России сделал его неоценимым критиком и который получил для меня множество документов из архива иранского министерства иностранных дел.

Ф. К.

Нью-Хейвен, Конн Апрель 1967 г.

Примечание

В конце 40-х годов правительство Персии обратилось с нотой к правительствам государств, с которыми оно поддерживало дипломатические отношения. В обращении содержалось требование о замене во всех официальных документах исконного названия страны Иран – на Персию.

Данное обстоятельство породило недоразумения разного рода. Невзирая на тот факт, что вопрос многократно рассматривался ранее, приходится вновь утверждать следующее: что касается собственно персов, то они не изменяли название своей страны, всегда остававшейся для них Ираном. Древние греки называли весь Иран по имени одной из его частей – Персии, известной сейчас как Фарс.

В свою очередь, иранцы называли и сейчас называют Элладу Ионией.

Традиция, установленная греками, преобладала на Западе. Там на протяжении столетий слово «Персия» приобрело богатые смысловые оттенки, которых так недостает топониму Иран. Но тем не менее для иранцев Персия – всего лишь провинция.

Глава 1

Англо-русский конфликт в Центральной Азии: Происхождение и развитие

Туркестан, Афганистан, Каспийский регион, Персия – у многих эти слова вызывают ощущение отдаленности, или воспоминание о странных превратностях, или отголоски умирающего романа. Для меня, признаюсь, они – шахматные фигуры на доске, где идет игра за мировое господство.

Джордж Керзон

Продвижение России в Центральной Азии, завоевания, которые она осуществляла во второй половине XIX столетия, последовательное расширение границ ее империи – все это ошеломило Европу. Пустыни и оазисы Центральной Азии, неизведанные горы Афганистана, легендарные города Хорасана внезапно вторглись на первые листы ведущих газет и стали злободневной темой разговоров в Берлине, Париже и Лондоне.

По мере того как русские войска легко одерживали победы над ордами казахов, узбеков и туркмен, сужалось пространство, отделявшее русских от британцев, медленно прокладывавших себе путь к Белуджистану и Афганистану. Мир, столь ненадежно установленный в отношениях между двумя великими державами, оказался под угрозой конфликта.

С точки зрения Лондона, проникновение России в Центральную Азию казалось нарушающим спокойствие, если не устрашающим. С точки зрения Санкт-Петербурга, это казалось естественным, будучи кульминацией целого ряда действий, начинавшихся тремя столетиями ранее, в царствования Ивана Грозного, Федора Иоанновича и Бориса Годунова. В то время как британцы, оказавшиеся чужаками в Азии, были потрясены, обнаружив казаков на берегах Окса, русские чувствовали себя как дома среди тюркских народов, на протяжении столетий являвшихся поочередно их соседями, правителями и подданными.

Покорение Казани открыло России выход на Каспий, а присоединение Астрахани неизбежно вовлекло ее во взаимоотношения с Кабардой, что, в свою очередь, привело к контактам с Грузией, Турцией и Ираном.

В 1560 г. Россия уже посылала свои войска для борьбы против горцев Дагестана. За браком Ивана Грозного и дочери предводителя горцев Темрюка последовало размещение российских войск в Кабарде.

После разгрома отрядов князя Ивана Андреевича Хворостинина в 1594 г., когда он был вынужден отступить, потеряв убитыми три тысячи человек, попытки России подчинить себе Дагестан потерпели поражение.

Первая кавказская война России положила начало борьбы, продолжавшейся вплоть до капитуляции прославленного шейха Шамиля в 1859 г.

Борис Годунов предпринял следующую попытку установить правление России над горцами, но Турция и Иран помогли племенам Дагестана оказать сопротивление стрельцам и казакам. К 1605 г. Россия была настолько поглощена своими собственными несчастьями, что у нее просто не было сил на новые завоевания. Вплоть до воцарения Петра Великого Россия не предпринимала никаких дальнейших действий в отношении Кавказа.

В период его правления империя расширилась по всем направлениям. Сражаясь за утверждение России на Балтике, царь предавался мечтаниям об организации азиатских походов.

«Несмотря на сосредоточенность всех его основных усилий на Европе, – пишет Сумнер, – с самых ранних лет он живо интересовался Азией. Энтузиазм исследователя соединялся в нем с ослепленной золотом фантазией разведчика и торговца».

Хива, Бухара, Персия, а также сказочная Индия возбуждали Петра. Он послал отряд, состоявший из трех тысяч пятисот человек, под командованием князя Бековича-Черкасского на завоевание Хивы, а также дал задание князю разведать наиболее удобный путь в Индию. Отряд попал в засаду и был уничтожен.

Примерно в то же самое время Петр приказал одному из своих младших офицеров, Артемию Волынскому, отправиться в Персию для сбора политических, экономических и военных сведений. Перед Волынским, наряду с прочими, ставилась задача выяснить наличие в Персии судоходных рек, которые текли бы из Индии и впадали в Каспийское море. По возвращении Волынский настойчиво убеждал царя идти завоевывать Персию, где в то время царила анархия. Как только Северная война была окончена, Петр напал на Иран. Он не встретил сопротивления, поскольку страна была захвачена афганцами, шах был в плену, правительства не существовало. Русские заняли Баку, Гилян, Мазандаран и Астарабад. Тем не менее завоевания Петра в Персии оказались эфемерными. Его непосредственные преемники, столкнувшись с возродившейся мощью Ирана во главе с Надир-шахом, не имея никаких интересов на Востоке, уступали пядь за пядью земли, за приобретение которых Петр Великий заплатил чрезвычайно дорого – не только человеческими жизнями, но и казной.

В течение последних десятилетий XVIII столетия Россия активизировалась на Кавказе. В 1801 г. была присоединена Грузия. Персия, не смирившаяся с потерей территорий, находившихся под ее управлением в течение столетий, вступила в войну, но была жестоко разгромлена.

В соответствии с Гюлистанским соглашением Персия потеряла большую часть своих кавказских владений, включая Баку, Дербент, Ганджу, а Грузия лишилась права держать флот на Каспийском море, которое, таким образом, превратилось в российское озеро. Возможно, наиболее дискредитирующее положение из всего договора содержалось в пятой статье, согласно которой Россия признавала принца Аббас-мирзу законным наследником и обещала ему свою поддержку, получая таким образом удобный инструмент для прямого вмешательства во внутренние дела Ирана.

Стремление Персии к отмщению и вторжение России вдоль недавно установленной границы привели к следующей войне и следующей российской победе. Российские войска захватили Ереван и Тебриз, под угрозой оказался Тегеран. В 1828 г. в деревне Туркманчай был подписан мирный договор. Он должен был регулировать русско-персидские отношения вплоть до 1917 г. В дополнение к потере территории Персия должна была выплатить компенсацию в 20 миллионов рублей. Торговый договор, заключенный в то же самое время, установил максимальный размер пошлины на российские товары (до 5 процентов), импортированные в Персию, и распространил на российских торговцев привилегии, которыми прежде никогда не обладали иностранцы во владениях шаха.

Таким образом, в течение жизни одного поколения Россия «перепрыгнула» через Кавказ, поглотила Грузию, Северный Азербайджан и часть Армении, приобрела расширенные торговые права и сильное политическое влияние в Персии, а также утвердилась в непосредственной близости от Британской Индии. Тогда и была подготовлена сцена для длительного соперничества между Россией и Англией, поединка, который являлся определяющим фактором в делах Центральной Азии и Среднего Востока до тех пор, пока мощь Британии не стала клониться к закату после Второй мировой войны.

Сложности восточного вопроса, яростное сопротивление горцев под предводительством Шамиля и опасение спровоцировать глобальный конфликт с Великобританией удержали Россию от дальнейших попыток вторжения на персидскую территорию к западу от Каспия. Граница, которая пролегла в Туркманчае, практически не изменилась до сего дня. К востоку от

Каспия не существовало никаких определенных границ между Персией и ее кочевыми соседями, между различными центральноазиатскими ханствами и Россией. Политическая нестабильность и экономический застой становились участием государств, которые периодически возникали в Туркестане. Обширный вакуум силы, простираясь от Каспийского моря до Китая, от Афганистана до Сибирской равнины, непременно должен был оказаться привлекательным для русских.

Европейские державы, ревниво отслеживая каждый шаг России по направлению к Константинополю, казалось, не осознавали ее непрерывного продвижения в Центральной Азии. Ни катастрофа, постигшая генерала Петровского при попытке завоевать Хиву в 1839 г., ни победы, одержанные на благо России Ак-Машидом (Ак-Меке) в 1853 г., не вызвали никакой реакции со стороны европейских государств.

Крымская война отвлекла Россию от Средней Азии, но после короткого восстановительного периода Россия возобновила свою политику в этом направлении.

Инициатором и вдохновителем этой кампании стал генерал Милютин, один из наиболее замечательных деятелей России XIX в., хотя его роль так и не была оценена по достоинству. Генерал Димитрий Алексеевич Милютин был государственным деятелем, реформатором и сподвижником Александра II. Именно Милютину принадлежит львиная доля усилий по преобразованию устаревшей армии и восстановлению военного могущества России. Он боролся за продвижение в Центральной Азии, зачастую наперекор желаниям более осторожного и европейски ориентированного канцлера князя Горчакова. Не кто иной, как Милютин, несет ответственность за назначение фон Кауфманна на пост генерал-губернатора Туркестана в 1867 г., именно он был связан с восстановлением мира в российской Центральной Азии и созданием там системы управления.

В то время как Милютин призывал царя продвигаться вперед, Горчаков рекомендовал быть осторожнее. Активные действия в направлении Индии встревожили бы англичан, для которых даже самые обширные пустыни, самые высокие горы и самые глубокие моря не казались достаточными для защиты столь дорогого для них владения. С тех пор как Наполеон разыгрывал крайне непродуманный план вторжения в Индию при помощи царя Павла и шаха Фатх Али, англичанами овладели страх и подозрительность, которые Горчаков предпочел бы не увеличивать. Однажды, когда Министерство иностранных дел затронуло эту проблему, Милютин возмущенно писал: «Нет никакой необходимости приносить извинения английскому министру за наше вторжение. Они не церемонятся с нами, завоевывая целые королевства, покоряя иностранные города и острова; мы же не спрашиваем их, почему они так поступают». В течение последующих двадцати лет Горчаков, а после него его выученик Гирс пытались сдерживать военных, в то же время оказывая им блестящую тактическую поддержку за границей. Сам факт напряженности в отношениях между Милутиным и Горчаковым, генералами и дипломатами способствовал необычайной гибкости и энергичности российской политики. Так как не существовало никаких разногласий относительно конечных целей и никто не подвергал сомнению непререкаемый авторитет царя в определении политики, эта межведомственная конкуренция не представляла собой серьезной опасности.

В 1864 г. в Санкт-Петербурге по требованию царя было проведено несколько заседаний кабинета министров, посвященных обсуждению центральноазиатского вопроса.

Для организации нового наступления проводились широкомасштабные военные приготовления. Когда войска были готовы к походу, дипломаты уже разработали декларации, оправдывающие вторжение. В декабре Горчаков разослал российским представителям за границей циркулярную депешу, рекомендуя им использовать ее аргументы как руководство «при любых объяснениях, которые Вы можете давать Правительству, при котором Вы аккредитованы, в случае, если к Вам обратятся за разъяснениями или если Вы увидите, что ложное восприятие наших действий получает признание». Отправление депешы 21 ноября 3 декабря 1864 г. яви-

лось определенной вехой в истории российской дипломатии. Горчаков писал: «Россия занимает в Центральной Азии такую же позицию, как и все цивилизованные государства, которые сталкиваются с полудиким, кочевым населением, не имеющим никакой определенной социальной организации.

В подобных случаях, как правило, более цивилизованное государство вынуждено, во имя безопасности собственной границы и своих коммерческих намерений, осуществлять некоторое господство над теми, чей бурный и неукротимый нрав превращает их в нежелательных соседей.

В первую очередь необходимо прекратить набеги и грабежи. Для того чтобы положить этому конец, приграничные племена должны быть более или менее подчинены.

После умиротворения эти племена имеют право на защиту против своих соседей; но в силу «моральных причин этого не произойдет, поскольку «особенность азиатов состоит в том, чтобы уважать только видимую и ощутимую силу». Таким образом, цивилизованное государство поставлено перед дилеммой: оно должно или отказаться от всех стремлений к цивилизации, или «стремиться глубже и глубже внутрь варварских стран». Такова была участь каждой страны, оказавшейся в подобном положении. Соединенные Штаты в Америке, Франция в Алжире, Голландия в ее колониях, Англия в Индии – все они были неотвратимо вовлечены, в меньшей степени собственными амбициями, а в большей – настоятельной необходимостью, в данное продвижение; причем самая важная проблема состоит в том, чтобы знать, где остановиться».

Оказавшись перед дилеммой, общей для всех цивилизованных государств, имеющих «диких» соседей, Россия решила исправить свою центральноазиатскую границу, вычерчивая ее таким образом, чтобы она проходила по плодородной территории, с целью одновременного обеспечения и снабжения постоянной колонизации. Только в этом Россия видела возможность стабильности и процветания оккупированной страны. Было необходимо четко определить эту линию, чтобы не быть отброшенными назад или, что почти неизбежно, при помощи ряда репрессивных мер позволить себя вовлечь в неограниченное расширение территории.

Россия собиралась поглотить кочевников, но отнюдь не оседлое сельскохозяйственное и торговое население, «которое являлось хорошими соседями». «Новая граница делает нас непосредственными соседями сельскохозяйственного и торгового населения Коканда. Мы окажемся поблизости от устойчивого, компактно расположенного и лучше организованного в социальном отношении государства, устанавливающего для нас с географической точностью, до которого мы вынуждены продвинуться».

Не успело британское правительство получить разъяснения по поводу циркуляра Горчакова от российского посланника барона Брунова, как события в Центральной Азии породили сомнения в искренности данного документа. Было предпринято нападение на Ташкент, город, где проживало оседлое население, занятое в сельском хозяйстве и торговле. 10 июня 1865 г. Горчаков заявил британскому послу в Санкт-Петербурге Бьюкенену, что «Российское правительство не будет удерживать город». Ташкент взяли штурмом (15–17 июня 1865 г.). Когда победа была публично оглашена, санкт-петербургская газета «Русский инвалид» писала: «Наши войска могут занимать город только в течение короткого времени, пока его независимость от Коканда перестанет быть под угрозой. Дав независимость Ташкенту... Россия, не имеющая никакого желания присоединить к себе эти земли, будет только наблюдать за спокойствием и безопасностью своих торговых отношений с Центральной Азией».

Британцы не получили никаких заверений. Лорд Джон Расселл, министр иностранных дел, настаивал на официальном обмене нотами, в которых державы объявят, что «они не имеют намерений расширить свои территории таким образом, что их границы приблизятся к друг другу больше, чем было ранее». В случае если одно из государств почувствует необходимость расширения, ему следует проинформировать другую сторону о причинах, вынудивших его так

поступить, «и о степени предполагаемого увеличения территории». Обе стороны должны уважать существующее состояние владений в Центральной Азии, и «обе державы должны признавать независимость Персидской монархии и не вторгаться на территорию Персии; им следует действовать в согласии и поддерживать и усиливать власть Шаха».

Министерство по делам Индии одобрило саму идею такого подхода, хотя он противопоставлялся официальному соглашению. Расселл согласился и обратился к Горчакову, которому были вручены отрывки из послания Расселла от 31 июля, выражающие пожелания кабинета ее величества «устранить все возможные причины опасности, которая могла бы угрожать в будущем правильному взаимопониманию между Англией и Россией». Эти две державы должны принять на себя обязательство не нарушать статус-кво в Центральной Азии. «Правительство Ее Величества будет также уважать независимость Персидской монархии, будет проявлять осторожность, чтобы не вторгнуться на территорию Персии, и будет действовать таким образом, чтобы как можно лучше поддерживать и усиливать владычество Шаха».

Горчаков сделал вид, как будто не понимает, что имел в виду Расселл. Разве Россия уже не продекларировала свои миролюбивые намерения в отношении Центральной Азии? Что касается Персии, то его величество признал, что не может понять взаимосвязи между Центральной Азией и персидской монархией, которая и вызвала появление этой декларации. Он объявил, что декларация вполне удовлетворительна и соответствовала взглядам правительства Российской империи, но, приняв ее с удовольствием, он (Горчаков) должен заявить, что никогда не подозревал правительство ее величества в намерениях вторгнуться на территорию шаха.

Можно только догадываться, ощущал ли Расселл иронию Горчакова.

Подтвердив с видом наивной невинности свою веру в добрые намерения Англии, он уклонился от сути проблемы и сохранил Россию не связанной подобными обязательствами. 3 сентября сэр Эндрю Бьюкенен сообщил, что выражения, употребленные Горчаковым в циркуляре 1864 г., недостаточно ясны, чтобы успокоить британское правительство в отношении Персии, которая даже не была упомянута. На это Горчаков ответил, что «он не мог поверить в то, что подобное упущение может получить столь неблагоприятное истолкование, поскольку было невозможно кому-либо, знающему политику правительства Российской империи, подозревать его в планах, направленных против независимости Персидской монархии». Горчаков добавил, что он собирался проинструктировать своего посла в Лондоне с тем, чтобы дать Расселлу конфиденциальные заверения в том, что Россия не имела намерения нарушить независимость и целостность Персии, но туркмены не были подданными шаха, и Россия сочла необходимым наказать их за грабежи, из-за которых страдала ее торговля. Значение этого замечания не было оценено британцами в течение многих лет.

Упоминание туркмен здесь не было случайностью. В конце 1864 г. по распоряжению царя было проведено специальное совещание кабинета с участием представителей Министерства иностранных дел, армии, Военно-морского флота и нескольких других министерств для обсуждения вопроса об установлении российского правления на туркменских землях вдоль восточного побережья Каспия. Было решено занять деревню Кизыл-су (Красная Вода, Красноводск). Царь одобрил это решение 22 февраля 1865 г.

Предложенная застава позволит России контролировать и море, и прибрежную полосу Каспия, а также даст возможность по необходимости переместить ее военно-морскую станцию с острова Ашураде. Станция была установлена на персидской территории без согласия Персии. Создание станции должно было прекратить пиратство туркмен и предотвратить попытки Персии уклониться от положений восьмой статьи соглашения, заключенного в Туркманчае, по которому ей запрещалось держать вооруженные суда на Каспии. Поскольку военно-морская станция располагалась на персидской территории, то была раздражающим фактором, стимулировавшим подозрения шаха относительно российских намерений. База в Красноводске обес-

печит те же самые, или даже большие, преимущества, чем на Аштураде, не имея недостатков последней.

Осложнения на границе Бухары и Коканда помешали этому решению, но Горчаков, тем не менее, продолжал тщательно готовить дипломатическое обоснование этой военной акции в Транскаспии.

Вопреки обещаниям, данным в 1865 г., российское правительство не распорядилось покинуть Ташкент. В мае 1866 г. отношения с Бухарой были разорваны, генерал Романовский повел свои войска против населения Бухары и разгромил их на Ирджаре. В июне Ходжент был взят. 27 июня лорд Кларендон, ставший к тому времени министром иностранных дел в кабинете лорда Джона Расселла, проинструктировал сэра Эндрю Бьюкенена в Санкт-Петербурге, чтобы тот донес до российского правительства, что, в то время как Англия признает право России силой освободить плененного в Бухаре русского посла, изменение российских границ едва ли совместимо с уверением уважать независимость государств Центральной Азии.

На запрос Бьюкенена относительно границ завоеваний России Горчаков ответил, что такие вопросы находятся в компетенции военных, а также добавил, что было бы абсурдно предположить, что продвижение России могло бы угрожать Британской Индии.

Так сложилась модель поведения. Год за годом российские войска будут продвигаться все глубже в самое сердце Азии. Волны тревоги будут двигаться из Калькутты и Симлы в сторону Уайтхолла. Английский посол в Санкт-Петербурге будет обращаться к министру иностранных дел России, просить объяснений, получать уверения в намерениях царя не присоединять ни дюйма земли где бы то ни было, посылать соответствующую депешу статс-секретарю по иностранным делам ее величества и оставлять вопрос на том же месте до тех пор, пока следующее продвижение России вновь не заставит вернуться к этой проблеме.

Правительство Индии разделилось во мнениях относительно российской угрозы. В то время как множество должностных лиц низшего ранга выступало за сильные меры, вплоть до оккупации Афганистана, вице-король, сэр Джон Лоуренс, проповедовал доктрину совершенной бездеятельности. «Он принадлежал к поколению, которое извлекло естественные, но ошибочные выводы из плачевной войны 1839 г. Он твердо верил, что Англия не имеет никаких интересов за пределами линии границы, которой прежде придерживались сикхи, и что защита Индии должна быть основана на Инде».

В записке, датированной 3 октября 1867 г., Лоуренс, выступая против наступления Англии, доказывал, что чем дальше Россия проникнет в Центральную Азию, тем длиннее окажется линия ее снабжения, в то время как длина британской линии поставок осталась бы такой же. Британское наступление на Афганистан могло бы интерпретироваться Россией как вызов. Кроме того, Россия может действительно оказаться добрым соседом. Лоуренс писал: «Я лично нисколько не сомневаюсь в том, что Россия может оказаться более безопасным союзником, лучшим соседом, чем представители магометанской расы в Центральной Азии и Кабуле. Она привнесла бы цивилизацию, она смягчит фанатизм и жестокость мусульманства, которое все еще имеет столь мощное влияние в Индии».

Мансфильд, главнокомандующий в Индии, разделял оптимизм вице-короля, основываясь на военных мотивах: «Тревога, проявленная в отношении России, влияющей на британские интересы в Индии, более неблагоприятна, чем это возможно описать. Как военная и обширная политическая держава, мы буквально ничего не опасаемся со стороны России, независимо от того, останется ли она в ее существующих пределах или распространит свою власть даже до наших собственных границ. Большой вред наносят те, кто по любому поводу проповедуют ложь о нашей слабости в Индии».

В той стране мы непобедимы, если только будем искренни сами с собой. Если мы выберем для себя проведение агрессивной политики, то можем продвинуться и утвердиться везде, где только захотим».

В Лондоне кабинет отказывался предпринимать какие-либо шаги, кроме дипломатических. Переход от консервативного к либеральному правительству в 1868 г. не повлек за собой изменения политики. Новый министр иностранных дел лорд Кларендон сделал попытку достигнуть соглашения с Россией, создав нейтральную зону между Индией и российскими владениями. 27 марта 1869 г. Бруннов передал Кларендону от Горчакова послание, выражавшее гарантии в отношении нейтралитета Афганистана. Шестью неделями позже российские войска вошли в Самарканд, и британский посол в Санкт-Петербурге еще раз «пробовал определить, как далеко могли бы простираться завоевания России».

Кларендон еще раз попытался получить от Горчакова обещание, что Россия не будет нарушать независимость ханств Центральной Азии. Два государственных деятеля встретились в Гейдельберге 3 сентября 1869 г. Разговор начался с заявления Горчакова, что Англия и Россия не имеют никаких противоречащих друг другу интересов где бы то ни было. Когда Кларендон заметил, что Центральная Азия как раз и является таким местом, Горчаков ответил, что император не имеет никакого намерения продвигаться на юг дальше. Кларендон в ответ сказал, что события последних пяти лет неоспоримо доказали, что российские войска были «побуждаемы идти вперед или прямыми указами из Санкт-Петербурга, или амбициями генералов вразрез с миротворческими намерениями императора». Горчаков сразу же согласился с подобной точкой зрения и обвинил всех военных, «которые превысили свои полномочия в надежде получить награды».

Таким образом, Кларендон и Горчаков совместными усилиями создали легенду об отсутствии субординации как об основной причине завоевания Центральной Азии. Данное понимание, явившееся незримым обращением к британским государственным деятелям, включая самого сэра Эдварда Грея, было чрезвычайно выгодно для русских.

Спустя некоторое время такой подход приобрел статус почтенной традиции, сохранявшейся государственными деятелями и историками в различных статьях и книгах.

Переговоры между Кларендоном и Горчаковым не только не привели, но и не могли привести к пониманию. В Санкт-Петербурге знали о нерешительности Лондона. Как бы то ни было, примиренческое отношение Британии и одобрение версии Горчакова относительно причин российских завоеваний в Центральной Азии вдохновили дальнейшее продвижение на юг и на восток. Переговоры, обмен нотами, напоминания о прежних обещаниях и выражения неудовлетворенности со стороны Англии не имели ни малейшего эффекта на планирование и осуществление завоеваний. После захвата Ташкента и Ходжента пришел черед Хивы пасть перед армиями Ак-хана (Белого царя). По другую сторону от пустынь и оазисов Ахал и Мерв простираются Хорасан и Герат. Не только Персия, но и Афганистан не смогли избежать жребия быть вовлеченными в большую игру.

Персидское правительство было очень обеспокоено столь быстрым продвижением России по направлению к Хорасану. Уже в 1868 г. представители туркменских племен текке прибыли в Тегеран, чтобы предупредить о российской угрозе. Они сказали Чарльзу Элисону, английскому посланнику, что не будут подчиняться России, но хотели бы служить Англии ради возвращения под ее протекторат. Элисон уверил туркмен в том, что Россия не отважится выйти по другую сторону Окса, рекомендовал им создать союз племен, но ничего не обещал относительно британской поддержки.

Уговорить персидское правительство так же легко, как и текке, было невозможно. На аудиенции, оказанной Элисону незадолго до его предполагаемого отъезда в Англию, шах Насреддин отметил, «что в то время, как Россия продвигается в Центральной Азии, между двумя Государствами должны существовать самые тесные отношения». Сентиментальные настроения времени шаха Фатх Али продолжали сохраняться. Это была Персия, которая «прежде всего... получала от Англии руководство и поддержку». Однако шах жаловался, что в ответ на его неоднократные попытки уяснить политику правительства ее величества он столк-

нулся «с некоторой сдержанностью с их стороны». Он надеялся, что в течение своего визита в Англию Элисон «сможет подробно изложить его обеспокоенность и заручиться от Правительства Ее Величества такой искренней декларацией их взглядов, что дало бы ему возможность удовлетворительно оценить его собственное положение и выработать наилучший курс.

Министр иностранных дел мирза Саид-хан Мо'-тамен ол-Молк вторил речам своего господина. Он уверил Элисона, что шах стремится придать отношениям с Англией «ту же самую сердечную основу, как это было во дни шаха Фатх Али». Насреддин надеялся, что Англия пришлет ему военных инструкторов, и был даже готов платить им, хотя он и знал, что, как только англичане наметили образ действий, деньги уже не принимаются в расчет.

Визит Элисона в Лондон не получил завершения в виде более тесного англо-персидского сотрудничества. В течение некоторого времени правительство Индии было весьма скептически настроено относительно идеи службы британских офицеров в составе иранской армии. «Персия, – писал полковник Тейлор в меморандуме, подготовленном для рассмотрения правительства, – представляется мне настолько ослабленной... она практически находится под контролем России и едва ли способна противостоять влиянию этой державы».

Британское правительство не собиралось посылать военную миссию в Иран и, возможно, тем самым спровоцировало сильнейшую российскую реакцию.

С тех пор как вооруженные войска использовались в 1857 г. для того, чтобы не позволить Персии удержать Герат, Англия предпочитала применять исключительно дипломатические средства на Ближнем Востоке. Надежда на достижение официального соглашения с Россией, что могло бы гарантировать независимость и целостность Персии, жила в сердцах даже таких «империалистически настроенных» англичан, как сэр Генри Раулинсон, который в 1860 г. отметил, что Россия не может отказаться гарантировать целостность Персии. Французский посланник в Тегеране, хотя и осознавал, как сильно шах желал международных гарантий территориальной целостности Ирана, в то же время понимал, что Россия не позволит связать себе руки на Ближнем Востоке, давая такие гарантии. Истинные гарантии для Персии, сказал он мирзе Саид-хану, в меньшей степени основываются на соглашениях, чем на ревностной конкуренции этих двух великих держав. Действуя мудро, балансируя на стороне одной против другой, Персия могла сохранить свою независимость и целостность.

Британские государственные деятели чувствовали, что их политика в Персии была «очень дружественной и абсолютно ясной». Она состояла в поддержке независимости Персии. В связи с чем приходилось постоянно выражать протесты российскому правительству в Санкт-Петербурге, что негативно сказывалось на англо-русских отношениях и, кстати сказать, подвергало шаха еще большему давлению с севера.

«Я согласен с шахом в том, – писал Расселл в 1860 г., – что наше воздействие на Санкт-Петербург следует оказывать крайне осмотрительно и чрезвычайно редко. Ничто не возмущает Российское правительство так сильно.

Но с другой стороны, мы не могли молча наблюдать их агрессивное поведение и позволить им внезапно перейти к военным действиям.

Необходимо дать России почувствовать, что ее поведение не является центром всеобщего внимания и что отношения Великобритании и Персии строятся как дружественные. Россия может сделать свои собственные выводы. Между тем мы не можем давать никаких обязательств; мы не можем, во имя эгоизма или ревности, препятствовать успехам российской торговли в Центральной Азии, поскольку торговля понимается как главная цель таких продвижений».

Именно такие «очень дружественные и весьма ясные» заявления было трудно понимать шаху и его министрам. Как они могли оценить значение дружбы с Англией, если со времени прибытия британского посланника Ч. Элисона в Тегеран в 1860 г. единственное, что он смог пообещать, так это заступничество перед Россией в Санкт-Петербурге? Что они могли думать о

значении британской поддержки, когда год за годом советы, которые они получали от Элисона, состояли в выборе «осторожного подхода к России»?

Что шах должен был ожидать от Англии после того, как российские войска сокрушили Коканд и Бухару, готовились захватить Хиву и покорить прикаспийские туркменские племена?

10 ноября 1869 г. российский корабль стал на якорь напротив туркменской деревни Кизыл-су (Красноводск). Небольшой отряд высадился на берег и занял деревню. Спустя несколько дней на кораблях прибыли новые войска. Персидские торговцы в Астарабаде, узнав об их присутствии на побережье, стали просить у российских властей разрешения торговать с ними, но получили отказ из-за того, что правительство Персии слишком быстро могло бы получить информацию о событиях в Кизыл-су.

Предосторожность была излишней, так как персидское правительство уже знало о высадке войск и решилось напомнить российскому министру, что граница Персии проходит к северу от Кизыл-су, и данное действие российских войск является нарушением суверенных прав шаха. Российский представитель Александр Федорович Бегер отрицал тот факт, что иранская граница простиралась по другую сторону реки Атрек. Более того, Бегер настаивал, что туркмены, «которые открыто утверждали, что являются независимым населением, и в действительности были таковым», никогда не подчинялись власти Персии. Мирза Саид-хан возразил, что те временные трудности в осуществлении властных полномочий по отношению к кочевому племени не подразумевают отказа от державных прав. «Россия не допустила бы, – говорил он, – подобные объяснения применительно к киргизам и другим непокорным племенам в Центральной Азии».

Английский представитель в Тегеране Ч. Элисон согласился со своим российским коллегой, что Персия не осуществляла никакого влияния на земли к северу от Атрека. Он поставил Кларендона в известность о том, что ему неведомы причины, по которым они (персы) могли бы требовать Кизылсу как часть своей территории.

В отсутствие британской поддержки персидское правительство не могло ничего требовать. Оно попыталось получить от Бегера письменные заверения в том, что Россия не будет покушаться на независимость кочевников, живущих вдоль рек Горган и Атрек, не будет там строить укрепления и признает там персидское владычество. 25 декабря 1869 г. Бегер заявил мирзе Саид-хану, «что Императорское Правительство признает персидское господство до реки Атрек и поэтому не намеревается строить какие-либо укрепления в той области».

В Санкт-Петербурге царь коснулся темы оккупации Красноводска в разговоре с Бьюкененом, британским послом. Он отрицал факт завоевания, так как территория «была почти без правителя», и сообщил Бьюкенену, что граница вдоль реки Атрек будет признаваться и соответствующие гарантии Персии уже даны.

Вопрос о Красноводске был закрыт. Сам шах согласился с этим в декрете (Farman) правителю Астарабада, заявив, что российское присутствие в Красноводске не было угрозой для Персии и русские вольны строить все, что хотят, на правом берегу реки Атрек.

Независимо от заявлений российских дипломатов относительно царских войск в Красноводске, в Тегеране и Калькутте чувствовали, что Хива будет следующей жертвой российской экспансии. А в Санкт-Петербурге никто, кроме высших правительственных должностных лиц, и не пытался сделать вид, что это было не так. Еще до захвата Красноводска газеты Санкт-Петербурга писали о неизбежности завоевания Хивы. Горчаков «убедительно отрицал даже существование подобного намерения», но Бьюкенен из других источников получил очевидные свидетельства того, что кампания действительно подготавливалась. Правительство Индии, гораздо менее самонадеянное под руководством лорда Майо, чем это было при Лоуренсе, признало, что во имя безопасности своей торговли Россия могла бы наказать хана Хивы, но не должна захватывать страну. Однако правительство Индии больше всего обеспокоили возможные последствия завоевания Хивы для Персии. Это было ясно выражено в секретной депеше

(№ 28, датированной 26 мая 1871 г.) к кабинету Индии: «Нет необходимости указывать... что захват или аннексия Хивы Россией явились бы смертельным ударом для независимости Персии. Если только подобное произойдет, она должна будет или подчиниться абсолютному влиянию России, или искать защиту у Британской или Турецкой держав».

Никто не был уверен наверняка в выборе образа действий. Невнятные и противоречивые советы лорда Джона Расселла, самоуверенные заявления сэра Джона Лоуренса и всеобщий оптимизм в оценке политической перспективы Британии затрудняли признание неадекватности политического курса, проводимого Англией в Персии с момента заключения Парижского соглашения в 1857 г. Характерно, что единственный человек, который осмелился подвергнуть сомнению и осудить этот политический курс, был невзрачный и талантливый дипломат Эдвард Иствик. В отличие от многих коллег он совершенствовал язык и приобрел обширные знания по истории Персии. В целом британские дипломаты, служившие в Тегеране, подразделялись на две отличающиеся категории: на тех, кто любил или, по крайней мере, признавал значимость некоторых особенностей персидской жизни и культуры, и на тех, кто этого не признавал. Иствик принадлежал к первой категории. Даже после того, как он покинул Персию в результате конфликта со своим начальником Элисоном, Иствик продолжал сохранять интерес к отношениям с Персией. Это вынудило его составить меморандум, который он представил министру иностранных дел лорду Гренвиллю весной 1871 г.

Иствик отметил, что до заключения Туркманчайского соглашения британское влияние в Персии являлось первостепенным. После 1828 г. Англия склонилась к тому, «чтобы ограничить Персию в ее *de facto* владениях, препятствуя ее продвижению в направлении Афганистана, Систана, Мекрана и Аравии и отговаривая от любых других усилий по приобретению новых или восстановлению утраченных территорий». В 1835 г. Хаджа мирза Агхаси, родившийся российским подданным, стал премьер-министром Мухаммед-шаха, и, когда тот в ноябре 1837 г. организовал осаду Герата, изменение политики двух великих европейских держав по отношению к Персии достигло кульминации. Странное зрелище предстало глазам российских офицеров, служивших в персидской армии, и российского посланника, графа Симонича, призывавшего к действиям войско, в то время как английский офицер организовывал вылазки с противоположной стороны и английский посланник Мак-Нил угрожал шаху войной.

Несколькими месяцами позже все британские офицеры были отстранены от службы в Персии, но отношения между двумя странами оставались корректными вплоть до 1855 г. Годом позже они перешли к войне, которая была завершена в соответствии с Парижским соглашением, подписанным в марте 1857 г. Кроме недолгого периода времени, когда упомянутый сэр Раулинсон был министром, а также краткого промежутка в 1862–1863 гг., уже не было никакого возврата к сердечности в наших отношениях с Персией. «В существующий момент, – писал Иствик в меморандуме, – ничто, кроме осознания своей собственной неспособности бороться с нами, не удерживает Шаха от явного разрыва с нашим Правительством... очевидно, что состояние дел таково, что Шах может легко быть принужден попустительствовать или, возможно, даже открыто помогать российской оккупации Герата и продвижению к границе Синда».

Предупреждая возражения защитников этой политики на том основании, что она предотвратила войну с Россией и Персия будет чрезвычайно ненадежным союзником, Иствик доказывал, что Персия могла быть превращена в «безопасную внешнюю защиту Индии, недоступную для России и для любой другой державы». Персы, по мнению Иствика, были далеки от вырождения как умственного, так и физического.

«Несмотря на их недостатки, они представляют собой прекрасную атлетическую расу, нервной организации которой европейцы могут позавидовать». Иствик призывал изменить отношение Британии к Ирану. «Пока еще Герат нельзя вернуть назад Персии, но его можно отделить от Кабула. Следует воодушевить Шаха на восстановление персидского господства над

Мервом. Но прежде всего нужно послать английских офицеров для наведения дисциплины в войсках Шаха».

Документ был распространен в различных ведомствах правительств Англии и Индии. Генри Раулинсон, ученый, колониальный администратор и дипломат, написал свой собственный меморандум, выражая в общем согласие со взглядами Иствика. Выдвинутая на передний фланг «спорная земля» между Каспием и Индом – Персия в значительной степени определяла, когда может произойти столкновение России и Британской Индии. Сильная и дружественная Персия могла бы отдалить на неопределенное время, в то время ослабленная Персия сделает его неизбежным. «В наших интересах завоевать ее дружбу и в то же самое время придать ей силу и уверенность в собственных возможностях; любые расходы, которые мы можем понести в связи с этим, следует расценивать как своего рода взнос на страхование Индии».

Однако Раулинсон не был готов подписаться под всеми предложениями Иствика, при помощи которых можно было завоевать дружбу с Персией. Он не сомневался, что одобрение «ее вторжений» в Систан и Мекран, поддержка при оккупации Мерва, концессии в Персидском заливе и обещание Герата сделали бы британское влияние первостепенным в Тегеране; но Раулинсон не верил, что Персия способна была «переварить» такие приобретения. Результатом стали бы бунт и вмешательство как со стороны русских, так и турок.

Раулинсон разделял мнение Иствика, что Англия должна отправить офицеров для обучения персидского войска. Он добавил свое предложение, а именно: усилить дипломатическое представительство в Тегеране. Раулинсон, тесно связанный с правительством Индии, считал, что оно должно осуществлять контроль над британской политикой в Персии. Вот почему он настаивал на передаче дипломатического представительства в Тегеране от юрисдикции министерства иностранных дел под юрисдикцию правительства Индии.

Меморандум Иствика крайне внимательно изучался в Форт-Уильяме, где нерешительность Англии по отношению к России вызывала ощущение краха. В отличие от своего предшественника лорд Майо не собирался защищать Индию на Инде. В его понимании кардинальным пунктом англо-индийской политики было поддержание дружественных отношений с Калатом, Афганистаном, Яркендом, Непалом и Бирмой, а также то, что их независимость от господства других европейских государств должна поддерживаться деньгами, оружием «и даже, в определенных обстоятельствах, людьми».

Его чувства разделяли многие из его подчиненных, один из которых написал: «Мы делаем вид, что не знаем этого [необходимости в надлежащей защите границ Индии], потому что находимся в руках группы нерешительных политиков, которые не понимают то, что совершенно известно державам подобно России, чьи интересы оппозиционно противоположны по отношению к нашим во всех частях света и чья смелость – только результат нашей робости... Но единственная держава, которую я опасюсь, – Россия, похоже, обречена быть нарушителем мира в Восточной Европе и в Восточном Мире».

Однако намерение защищать подходы к Индии не подразумевало защиты Персии. Правительство Индии также не было настроено провоцировать Россию и вызывать конфронтацию на Ближнем Востоке, как и кабинет в Лондоне. Комментируя записку Иствика и мысли Раулинсона по этому поводу, правительство Индии заявило, что придает самое серьезное значение сохранению независимости Персии, но отказалось вдохновлять шаха на столкновение с Россией.

«Мы не можем выразить согласие с Раулинсоном и заявляем, что с нашей стороны было бы почти преступлением ради получения временного превосходства в персидской политике призывать ее к столь рискованному курсу, будь то любая попытка расширить ее владения либо на северо-восточном направлении, либо вторжениями в Афганистан, либо на земли феодальных племен».

Правительство Индии расходилось во мнениях с Иствиком и Роулинсоном насчет вхождения британского офицерского корпуса в персидское войско. Оно считало, что «британские офицеры не должны служить азиатским государствам: обычаи восточных правительств – не наши обычаи; и в мирное время, так же как и на войне, офицеры, поставленные в подобное положение, должны быть в курсе дел и, до некоторой степени, принимать участие в действиях, которые любой человек чести не может одобрить. Если британские офицеры не могут быть в высшем руководстве, они не должны идти на такую службу».

За этим образцом викторианского лицемерия следовала подлинная причина нежелания взаимодействия с персидским войском.

«В наших отношениях с Россией в настоящее время мы должны с большим предубеждением относиться к принятию множества офицеров российской армии на командные должности в персидские войска. Подобные поступки с нашей стороны, вероятно, вызовут сильный протест со стороны кабинета Санкт-Петербурга».

Примечательно, что ни Раулинсон, ни правительство Индии в комментариях к записке Иствика не выдвинули каких-либо серьезных предложений по реагированию на российскую угрозу в Центральной Азии и поддержанию британской позиции в Персии. Требование, содержащееся в обоих документах, заключалось в необходимости избрания нового представителя в Тегеране, талантливого и энергичного англо-индийского государственного деятеля, который бы завоевал доверие шаха и восстановил баланс влияния в персидском правительстве. Что явилось только выражением необоснованной веры в панацею, которой, подобно всем панацеям, не существовало. Дискуссии и переписка по немаловажному поводу Персии не принесли никаких результатов.

Что касается российского правительства, то для него следующей важной задачей было завоевание Хивы. Красноводск был оккупирован по время подготовки Хивинской кампании. Так же была проведена тщательная проверка пустынь, которые защищали ханство лучше, чем его войско, состоявшее из разного сброда. Еще раз Милютин, которому помогал Кауфманн, оказался главным сторонником завоевания. Горчакову пришлось играть знакомую ему к тому времени роль, успокаивая дымовой завесой уверений и обещаний. Окончательное решение о присоединении Хивы было принято на совещании «под руководством императора» в конце 1872 г. Именно там была произнесена Александром II известная фраза, обращенная к Кауфманну: «Константин Петрович, возьмите Хиву для меня».

Утром 18 января 1873 г. генерал-адъютант граф Петр Андреевич Шувалов, шеф жандармерии и Третьего отделения канцелярии его величества (тайной полиции), был отправлен в Лондон, где довел до сведения лорда Гренвилля, что император не имел намерения завоевывать Хиву.

Гренвилль написал британскому послу в Санкт-Петербурге, лорду Лофтусу: «Граф Шувалов заверил, что император крайне удивлен обеспокоенностью английского правительства по этому поводу, и убедительно просил меня передать твердые гарантии Парламенту по этому вопросу».

Конечно, Гренвилль не сумел понять действия России. В письме к герцогу Арджиллю он заявил: «Я могу понять тоску русских по Константинополю; но почему они должны продвигаться на Крайний Восток, я не понимаю».

Генерал Терентьев передает обещания Горчакова англичанам не присоединять Хиву: «Переговоры проводились Шуваловым. Наши дипломаты, очевидно, доверяют нашим воюющим генералам, которые всегда будут способны доказать, что военные обстоятельства препятствуют точному выполнению того, что было обещано». Когда англичане наконец успокоились, наши войска были уже на пути к Хиве.

К весне 1873 г. генерал фон Кауфманн сконцентрировал под своим командованием войско в тринадцать тысяч человек с шестьюдесятью двумя орудиями. Среди офицеров, с нетерпе-

нием ожидавших выполнения экспедиции против «дикарей», были такие прославленные лица, как великий князь Николай Константинович и герцог Евгений Лихтенбергский.

Хива пала в мае. Граф Петр Шувалов, который должен был объяснить это британцам, изобретал неправдоподобные алиби и перекладывал вину на старую паршивую овцу российской дипломатии – недисциплинированных генералов.

На сей раз это был Кауфманн, которого объявили преступником в Лондоне.

Завоевание Хивы было нарушением со стороны России всех ее недавних обещаний, и даже умеренный русофил и неумеренный оптимист лорд Лофтус, британский посланник в Санкт-Петербурге, почувствовал необходимость поднять тревогу. Он предупредил свое правительство, что Россия теперь приобрела опорный пункт в туркменских степях, откуда может угрожать независимости Персии и Афганистана и таким образом станет постоянной опасностью для Индийской империи. Если позволить событиям развиваться без комментариев и не будут даны предварительные предупреждения, то Англии, может быть, придется упрекать себя в том, что она молчаливо наблюдала за вторжением России в ущерб своему собственному престижу и могуществу.

В Тегеране британцы неоднократно указывали персидскому правительству, что русские скоро начнут военные действия против туркмен Атрека и дальше на восток в направлении Серакса и Мерва. Только Гренвилль упорно придерживался мнения, что царь был «совершенно искренним», когда посылал через Шувалова уверения в том, что Хива не будет захвачена. Отвечая на письмо герцога Кембриджского, который призывал к каким-либо действиям, Гренвилль признал, что Англия вправе негодовать в ответ на нарушение Россией обязательств: «но Ваше Королевское Высочество не предлагаете, как мы должны выразить это негодование. Это должно быть покусывание или просто лай?». Предаваясь благостным размышлениям, Гренвилль продолжал: «Тем временем русские вскрывают нарыв в собственном организме; они вызвали самую ожесточенную ненависть в жителях Центральной Азии; они истощают финансы; и, если это должно перейти в борьбу, чем ближе к Афганистану произойдет эта схватка, тем сильнее мы окажемся и тем слабее они».

Как будто для того, чтобы увеличить британские опасения, генерал Ломакин, новый командующий в Транскаспии, обратился с письмом к ханам нескольких туркменских племен, возвещая о своем назначении и требуя, чтобы делегаты от племен прибыли к нему для ведения переговоров относительно того, как осуществить «августейшую волю» Ак-падишаха (белого царя) по установлению мира и порядка.

Российское правительство предвидело британские и персидские возражения против действий Ломакина. Хива была завоевана совсем недавно, так что процесс консолидации в ханстве не получил еще достаточного развития. Нужна была передышка, прежде чем новое продвижение могло быть предпринято, продвижение, которое принесет российский флаг в оазис Ахал и за его пределы, возможно, к Мерву и даже Герату. Проблема была обсуждена на специальном совещании под председательством великого князя Константина Николаевича, генерал-адмирала Военно-морского флота, и в присутствии великого князя Михаила Николаевича, наместника и главнокомандующего на Кавказе; генерала Милютина, военного министра; Владимира Вестманна, исполнявшего обязанности министра иностранных дел, и представителей других ведомств. Было решено продолжить продвижение с особой осторожностью, избегая применения силы против туркмен, особенно тех, кто регулярно мигрировал от иранской до российской территории и назад.

Британское правительство также пробовало выработать политику в отношении Центральной Азии и Персии. Отправной точкой послужила депеша от британского посланника в Тегеране, Тейлора Томсона (№ 136 от 25 июня 1874 г.), в которой он возрождал предложение Истиква о предоставлении помощи Персии для того, чтобы препятствовать России в завоевании туркменских земель, в том числе Мерва. Томсон, подобно Истикву, чувствовал необхо-

димось посылать британских офицеров в Тегеран для обучения и наведения дисциплины в иранском войске. Можно было бы даже субсидировать Персию «с целью обеспечения безопасности этой страны как барьера для Британской Индии против России».

В ответ на запрос индийского кабинета о мнении правительства Индии по предложениям Томсона вице-король лорд Норсбрук написал, что Персия была ненадежна. Шах и великий визирь, говоря о своей дружбе с Англией, все же предоставили железнодорожную концессию России.

Некоторые персидские политические деятели заинтересованы в союзе с Англией, но имеются и другие, которые представляют сильную антианглийскую партию. Но доверять нельзя даже открытым заявлениям друзей Англии. «По всем оценкам, – писал Норсбрук, – имеется всего несколько персидских государственных деятелей, чья честность не подвергается сомнению, а основы честного и надежного правительства оказываются лишь пожеланием».

«Англия, – как указывал Норсбрук, – не имела союзнических обязательств защищать Персию силой оружия, и при этом не должна вдохновлять ее на действия, которые могут показаться подозрительными Афганистану, стране, чьи интересы идентичны индийским. Даже если бы Англия пожелала, она не смогла бы защитить Северную Персию от российского вторжения. Расстояние от залива слишком велико, Кавказ рядом, и Персия настолько не способна защищать себя, что Англия не в состоянии, по моему мнению, гарантировать целостность тех провинций. Маловероятно, что любая из великих европейских держав будет рассматривать нападение России на Персию как повод к войне. А война между Великобританией и Россией без посторонней помощи невозможна, так как ни одна из держав не находится в таком положении, чтобы причинить какой-либо серьезный ущерб другой. Наша позиция, как представляется, состоит в том, чтобы убеждать Персию в том, что она может получить от нас материальную помощь».

Норсбрук признавал существование российской угрозы: «В случае осуществления Россией значительной аннексии персидской территории я не исключаю, что может возникнуть причина для войны между Англией и Россией. Англия заинтересована в поддержании свободной связи между Англией и Индией, а попытки расширения российской территории, или российский протекторат, вплоть до берегов Персидского залива стали бы настолько непосредственной угрозой Индии, что это, по моему мнению, должно оправдать применение оружия с целью сохранения нашего существующего сейчас превосходства в Персидском заливе. Но Правительству Ее Величества при подобных обстоятельствах должна быть предоставлена свобода действий, и оно должно быть освобождено от всех прежних обязательств».

Зайдя в своих предположениях так далеко, Норсбрук не сумел предложить какую-либо действенную программу для предотвращения ситуации, которая, по его мнению, оправдывает войну. Лучшее, что он мог сделать, – это предложить назначение на пост военного атташе в Тегеране от Индии и начать строительство линии связи «между Персидским заливом и внутренней частью Персии».

Главнокомандующий в Индии, Напьер Магдала, выразил резкое несогласие с вице-королем. «Я должен признаться, – писал он, – имеется большая опасность в этой политике отступления, которая увеличивается по мере ее старения и которая вынудит нас бездействовать, пока российские военные базы не будут установлены в основных пунктах вокруг Индии». Англия должна делать все, чтобы удержать Россию на расстоянии вытянутой руки от Афганистана и Персии, «и во имя этой цели я предложил бы Персии дружбу, в которой она нуждается».

Обращаясь к морализированию Норсбрука по известному поводу персидской переменчивости, Напьер указал на то, что «это не должно заставить нас осудить ее за непостоянство, поскольку нашу собственную политику можно было упрекнуть на том же основании». Он заканчивал призывом к действию: «Мы должны немедленно выступить против любого дальнейшего вторжения на персидскую территорию. Но если мы склоняемся к войне, то народ Пер-

сии, при поддержке британского контингента и британского оружия, поставок и офицерского состава, осуществит задачу сохранения страны».

Большинство членов совета вице-короля колебались в оценке взглядов Норсбрука. Э.К. Бейли сформулировал проблему самым простым способом: «Что касается Персии, вопрос, возникший в настоящее время, состоит в том, готовы ли мы поддержать или оставить ее».

Он признал, что высшие классы Персии были, «как отдельные лица, почти без исключения, коррумпированы, эгоистичны, испорчены и бесстыдно беспринципны до такой степени, что в это едва ли возможно поверить», но он чувствовал, что «даже они как класс должны несомненно увидеть, что их интересы связаны с нами». Он поддержал предложение послать английских офицеров в Персию и отмечал успешность подобных миссий в прошлом.

В заключение Бейли заявил: «И я, со своей стороны, в течение всей своей жизни имея возможности узнать российские чувства, не поверю ни в какую такую лояльность вообще ни со стороны Российского правительства, ни со стороны его должностных лиц или даже нации в целом».

Разногласие среди членов совета вице-короля позволяло правительству Индии представить ряд конкретных предложений и четкую политику кабинету в Лондоне. В индийском правительстве лорд Солсбери склонялся к более решительным действиям, но министерство иностранных дел под руководством лорда Дерби их не одобряло. В результате никаких мер принято не было.

Англия продолжала бомбардировать Россию меморандумами, нотами, запросами, вопросами... Но не достигла какого-либо эффекта, в то время как Персия была предоставлена сама себе, чтобы бороться с грозным северным соседом.

Персидское правительство пробовало отстаивать свои требования и на земли и племен текке. Во время своей европейской поездки летом 1873 г. шах заявил наместнику Кавказа, великому князю Михаилу Николаевичу, что действия против текке должны предприниматься совместно Россией и Персией. В начале 1874 г. мирза Хосейн-хан вернулся к этому вопросу в беседе с А.Ф. Бегером. Последний понял намерения Хосейн-хана: тот хотел усилить позиции Персии среди туркмен, а также «объявить русским свои претензии на племя текке, которое никогда не подчинялось Персии, но всегда представляло угрозу ее хорасанской границе».

Персия была не в таком положении, чтобы настаивать на этом. Если бы были сделаны громкие заявления, британская поддержка обязательно бы осуществилась. Первое время персидскому правительству казалось, что Англия намеревалась защищать их интересы. 17 ноября 1874 г. лорд Огастус Лофтус показал Вестманну, исполнявшему обязанности министра иностранных дел, депешу из Лондона и Калькутты с требованием объяснений действий Ломакина. Вестманн настаивал, что инцидент с воззванием Ломакина был результатом неверного перевода и что персидское правительство совершенно удовлетворено объяснением, полученным от России. Затем Вестманн заявил, что правительство ее величества совершенно напрасно запрашивает объяснения по поводу столь незначительного инцидента, который касался исключительно России и Персии. По мнению его превосходительства (В. Вестманна), не было принято вмешиваться в международные отношения между двумя независимыми государствами, и он не понимал, каким образом упомянутый инцидент мог повлиять на Великобританию.

Лофтус ответил, что в Азии Англия владела огромной империей и отстаивала интересы более двухсот миллионов человек. Разговор стал более напряженным, в то время как обычно мягкий и дружелюбный Лофтус продолжал: «Продвижение России в Центральной Азии в последние годы являлось объектом пристального интереса, хотя правительство Индии не видело в этом особой опасности». Что касается вмешательства в русско-персидские отношения, он напомнил об обмене нотами между Пальмерстоном и Нессельроде в 1835-м и 1838 годах, в которых обе страны заручились поддерживать целостность Персии. «Поэтому я не

понимаю, – продолжал Лофтус, – удивления его превосходительства по поводу моего заявления».

Интерес, проявленный Англией к инциденту вокруг Ломакина, ободрил персидское правительство, надеявшееся на дополнительную поддержку, так как в начале декабря 1874 г. оно получило информацию о том, что Ломакин явился с шестьюстами людьми, намереваясь занять КараКале, деревню на реке Атрек.

Мирза Хосейн-хан обратился к Томсону, британскому посланнику в Тегеране, за поддержкой. Лорд Дерби, который возглавил министерство иностранных дел вслед за Гренвиллем, писал, что Англия возмущена российскими нашествиями на территории текке. Это могло привести к дискуссиям и недопониманию между Англией и Россией, и Дерби сомневался, что протесты в этом случае будут удовлетворены. Поэтому Англия еще раз отказалась вмешиваться в ситуацию.

Бесконечное нагромождение протестов и жалоб, исходящих от Лондона, не останавливало продвижение России в Центральной Азии.

Однако это раздражало царя, армию и даже Горчакова. 17 апреля последний написал пространный меморандум графу Шувалову, чтобы тот показал его лорду Дерби. Этот документ можно именовать вторым меморандумом Горчакова, и он заслуживает, чтобы определенный фрагмент из него был процитирован.

«Кабинет в Лондоне, похоже, истолковывает наши взгляды в отношении Центральной Азии, и особенно прежнее решение не проводить политику завоевания или аннексии, как убеждение в том, что мы взяли определенные обязательства касательно этого вопроса.

Вследствие того, что события вынудили нас отклониться от нашей программы, они, кажется, заключили, что императорский кабинет не сумел соблюсти официальные обещания.

Наконец, ввиду последовательных шагов, которые мы были вынуждены предпринять в этих странах, они сделали вывод, что право и долг Англии ограничить наши действия и влияние, чтобы обезопасить себя против возможной агрессии».

Как констатировал Горчаков, подобные выводы не согласуются с фактами, духом и буквой соглашений, установленных между правительствами.

Всегда предполагалось, продолжал он, что каждая сторона сохраняет полную свободу действий. Начиная с 1864 г. Россия ясно дала понять, что она не будет расширяться сверх необходимости. Британцы, имевшие подобный опыт в Индии, понимали это лучше всех. Двумя державами было признано невозможным «рассматривать российскую и английскую границы в Азии как неизменяемые», поэтому «международное соглашение по этому вопросу было бы неэффективно». Для Горчакова «понимание», достигнутое между Англией и Россией, подразумевало промежуточную зону между ними. Афганистану следовало бы образовать такую зону, в случае если ее независимость была бы гарантирована всеми сторонами.

Чтобы не спровоцировать Британию настойчивым тоном меморандума, старый дипломат, не желавший конфронтации с Англией, добавил примечание, которое вновь подтверждало: «Его Императорское Величество не имеет намерений расширить границы России в Центральной Азии, ни со стороны Бухары, ни со стороны Красноводска и Атрека. Мы не имеем никаких причин поступать подобным образом. Напротив, Император считает любое расширение границ в тех местах противоречащим нашим интересам... Распоряжения Императора вполне официально были изложены Его Императорским Величеством военным властям, отвечающим за их исполнение».

Британскому правительству потребовалось несколько месяцев, чтобы «переварить» апрельский меморандум Горчакова. В документе, подготовленном для нужд кабинета, министерство иностранных дел отметило, что Россия сохраняет за собой полную свободу действий всюду к северу от Афганистана. Министерство иностранных дел сделало вид, что не сомневается в искренности обещаний России далее не расширяться, но не упустило возможности

напомнить, что предыдущие декларации, настолько же искренние, как и данная, сопровождались действиями совершенно противоположного рода. Лорд Солсбери, министр по делам Индии, выразил мнение, что Англия не могла принять ту роль бездействующего наблюдателя, которую Россия желала отвести ей в Центральной Азии. Он предлагал, чтобы Англия объяснила России, что для британцев ее истолкование прошлых соглашений недопустимо.

Правительство Индии перечислило обещания, данные Горчаковым, Шуваловым, заверенные непосредственно Александром II, и заключило, что если они игнорировались, то соглашения относительно Афганистана должны также потерять свое значение, «и Британское Правительство должно быть свободно в установлении любой политики за пределами Афганистана, обстоятельства каждого отдельного случая, по мере возникновения, могут диктовать и соответствующие требования».

Прежде чем британцы получили время для ответа на апрельский меморандум Горчакова, вновь выступили российские войска. В июле произошел бунт против непопулярного хана Коканда Ходияра. Он сбежал к русским, и гнев мятежников обратился на неверных, защищавших его. 3 сентября генерал фон Кауфманн уничтожил главный отряд мятежников, включавший в себя приблизительно от тридцати до пятидесяти тысяч человек, в Мехраме. «Местные жители оставили 90 мертвых в крепости, но казаки во главе с полковником М.Д. Скобелевым преследовали беглецов по берегу Сыр-Дарьи несколько миль и убили более 1000 человек. Русские потеряли только шесть убитыми и восемь ранеными за всю операцию».

Пятью месяцами позже был издан следующий высочайший манифест: «Мы, Александр II и т. д., уступая пожеланиям народа Коканда стать Российскими подданными и также признавая абсолютную невозможность восстановления в ханстве мира и спокойствия любыми другими средствами, приказываем немедленно включить Кокандское ханство в наши владения. Отныне оно должно именоваться «Ферганской областью» нашей Империи».

Следует отметить, что на аннексии Коканда настаивали военные. 27 января 1876 г. генералы Милютин и Кауфманн были приняты царем. Они принесли с собой план окончательного включения Коканда в Российскую империю и укрепления войска в Туркестане. Царь, чьи дипломаты совсем недавно уверяли британцев, что дальнейшие военные экспедиции отменяются, колебался, но наконец должен был принять неизбежное. С Горчаковым даже не консультировались.

Царь предоставил Милютину и Кауфманну объяснить канцлеру империи, что он заочно был отстранен. Милютин был удовлетворен. Поражение Горчакова обрадовало его, поскольку именно канцлер «всегда выступал против любого расширения наших владений в Азии».

Аннексия Коканда не удовлетворила сторонников экспансии и только возбуждала их аппетит, вынуждая требовать большего. Российское общество вошло в период длительного кризиса. Обещания первых лет царствования Александра II не были выполнены. Его реформы не могли полностью изменить процесс социального и духовного распада. Безответственный высший класс, состоявший из владеющих землей дворян, не потерял своей политической силы, несмотря на ненадежность экономических основ, на которые опиралась эта сила. Подрастающая буржуазия, лишенная дворянством участия в определении политики государства, была занята исключительно узкой и эгоистичной целью стяжания богатства. Интеллигенция, отчужденная и рассерженная, отказалась от прежнего либерализма в пользу радикального догматизма и нетерпимости, столь же порочных, как те, что были свойственны правительству. Из ее круга вышли первые революционеры, которые объявили войну прежнему порядку и начали кампанию террора, в итоге завершившегося убийством царя в 1881 г. В такой обстановке заграничные походы, колониальные войны и завоевания были непреодолимо привлекательны для верхних слоев российского общества. Они отвлекали внимание от пугающей внутренней ситуации, создавали иллюзию национального единства и объединения сил и обеспечивали романтический уход от горькой действительности распадающегося общественного строя. *Прекраще-*

ние экспансии вынудило бы правящий класс бороться с проблемами, перед которыми он был бессилен.

Как только Коканд был завоеван, Д.А. Милютин получил предложение от великого князя Михаила Николаевича, наместника и главнокомандующего армией на Кавказе, об оккупации туркменских земель. Великий князь Михаил хотел отправить экспедицию в направлении туркменской деревни Ашхабад (российское искажение туркменского Ashqabat, что, в свою очередь, является искажением персидского «Ешкабад») – местечка, расположенного приблизительно в четырехстах милях от Красноводска и двустах милях от Мерва.

Милютин ответил: «Этот пункт находится на расстоянии всего 360 верст от Мерва, этого больного места английской политики. Столкновение с туркменами и их возможный набег на Афганистан могли бы создать осложнения, которых, учитывая состояние отношений в настоящее время между Россией и Англией, нужно избегать». Российское правительство хорошо себе представляло опасения Британии за Мерв и Герат. Эти полуразрушенные, пыльные города, когда-то бывшие центрами процветающей цивилизации, считались ключами к Индии. Персы старались привлечь внимание британского правительства к Мерву. Уже в 1874 г. персидский посланник в Лондоне Малькам-хан предупредил лорда Дерби, что Россия может установить там правление, «почти не уведомляя Европу», хотя это и было стратегически важное пересечение линий связи между Мешхедом, Бухарой, Хивой и Гератом.

«В тот день, когда Российский флаг восстановит порядок и безопасность в Мерве, – писал Малькам-хан, – заброшенная столица будет восстановлена; и сама природа, при помощи Российской администрации, неизбежно превратит город в наиболее деятельный центр новых предприятий; поскольку мы можем быть уверены, что, когда Мерв окажется в руках России, барьеры будут разрушены и соседние государства уничтожены».

Если фактически британское правительство и было меньше заинтересовано в Мерве, чем надеялись персы, то этого не знали в Санкт-Петербурге. Горчаков, обеспокоенный возможными последствиями стремительного продвижения в направлении Мерва, просил Милютина использовать свое влияние на царя, чтобы предотвратить экспедицию в сердце туркменских земель. Граф Шувалов, возвратившийся в Санкт-Петербург на короткое время, присоединился к канцлеру. «Осторожный и скрытный лорд Дерби, – сообщил Шувалов, – сказал в разговоре... что наше продвижение к Мерву – это повод к войне».

В отличие от многих своих военных коллег Милютин был государственным деятелем-дипломатом. И не помчался бы к царю, если бы цели расширения могли быть достигнуты с меньшим риском через несколько лет. 8 апреля 1876 г. он написал наместнику, что царь настаивал на своем решении и «приказал мне объяснить вашему Высочеству, что войска Каспийской области не должны получить разрешения на продвижение в направлении к верховьям Атрека и к землям Ахал-Текке в направлении Ашхабада».

Великий князь повиновался, но не переменял своего решения, как и ближайший сподвижник Милютина Кауфманн, генерал-губернатор Туркестана. Младший офицер М.Д. Скобелев, ветеран нескольких центральноазиатских кампаний, в которых он проявил великий военный талант и большую жесткость, писал о родственных позициях России и Англии в Азии. Как панславист, Скобелев был заинтересован в Туркестане исключительно как в средстве для решения восточного вопроса. «Иначе шкура не стоит выделки, и все деньги, потраченные на Туркестан, будут потеряны».

Из Туркестана Россия должна была осуществлять давление на британцев, чье положение в Индии казалось Скобелеву слабым. Вторжение в Индию, допускал он, будет трудным и опасным предприятием, но ставки были высоки, и игра того стоила.

«Компетентные английские власти, – писал Скобелев, – признают, что нарушение границ Индии может даже вызвать социальную революцию в Англии, потому что за последние 20 лет Англия оказалась привязана к индийским владениям больше, чем когда-либо, в силу причин

и явлений (включая *неспособность к войне*), схожих с французскими. Падение британского владычества в Индии было бы началом падения Англии».

Решение российского правительства временно воздержаться от завоевания туркменских земель, казалось, предоставляло Персии последнюю возможность утвердить власть над своими номинальными подданными, туркменами текке, живущими в Ахал-оазисе. Задача убедить их принять персидский суверенитет пала на Абд ол-Хасан-хана, сына Шойа од-Дойлы Ильхани, наследственного правителя Кучана. Абд ол-Хасан был самым ненадежным слугой шаха. Он в течение ряда лет поддерживал тесные отношения с туркменами, часто помогая им в набегах на персидскую территорию, похищениях его соотечественников и продаже их в рабство в Центральную Азию. Абд ол-Хасан так тесно связал себя союзом непосредственно с текке, что даже женился на туркменке.

Близость русских или, возможно, страх, что шах не разрешит ему наследовать Кучан за его отцом, вынудили Абд ол-Хасана попытаться поправить свои дела. Он убедил большое количество текке (сорок тысяч семейств, согласно сообщению, несомненно преувеличенному, российского поверенного в делах в Тегеране) подчиниться шаху и послать делегацию в Тегеран, чтобы просить милости его величества.

Прибытие туркменских старейшин в Тегеран не прошло незамеченным со стороны российского дипломатического представительства, которое немедленно внесло об этом запрос в министерство иностранных дел. Персы были уклончивы, говоря только, что туркмены прибыли, чтобы ручаться шаху в своем желании жить в мире.

Чтобы удержать Персию от осуществления ее планов, российское правительство в октябре 1876 г. приказало генерал-майору Н.П. Ломакину¹ выступить от морского берега до туркменской деревни Кизыл-Арват и занять ее, чтобы показать представителям племени текке и персам, что Россия не признала претензии Персии на эту область и не позволит расширять там персидское правление. Ломакина предупредили, чтобы он не использовал силу без крайней необходимости и удерживал бы Кизыл-Арват только в течение короткого времени. 19 мая 1877 г. русские, не встречая сопротивления, заняли деревню, но спустя пять дней были атакованы туркменами. Отряд Ломакина был мал, обострение войны с Турцией сделало невозможным получить дополнительные подкрепления, пища была на исходе, и болезни начали распространяться среди войска. Хотя сражение 24 мая было выиграно русскими и текке понесли тяжелые потери, Ломакин был вынужден отступить. Однако он выполнил свою миссию. Персы отказались от своих планов привести текке под свое правление.

Ломакин призывал свое начальство продолжить борьбу. Никогда прежде так много туркмен не объединялись вместе. Никогда прежде народный фанатизм, подогретый турецкими агитаторами и проперсидской партией, не проявлялся с такой силой. Кочевники должны понести образцовое наказание; «это необходимо, чтобы раз и навсегда отбить у них охоту беспокоить наши войска и наши военно-торговые пути и наших йомутов также». Ломакин просил разрешение на посылку войск в Ахал-оазис для совершения рейдов, чтобы опустошать и разрушать деревни туркменских племен текке. «Посредством подобных действий текке, с одной стороны, получают должное возмездие и, вероятно, в ближайшем будущем не смогут восстановиться настолько, чтобы возобновить свое старое мародерство и набеги, и, с другой стороны, мы так бы фактически продемонстрировали наши права на эту территорию».

Просьба Ломакина совпала с поворотом к большей воинственности в политике российского правительства. Рональд Ф. Томсон, английский поверенный в делах в Тегеране и брат В. Тейлора Томсона, получил копию документа, который военный министр России, генерал Милютин, как сообщали, представил Государственному совету 2 июня.

¹ Ломакин Н.П. – исполняющий обязанности командира Закаспийского отдела.

Документ начинался с нападок на Англию: «Мир в Европе невозможно защитить, пока жадность и ненасытность *деспота морей* не будет ограничена. Необычайная жажда приобретения уничтожила в сердцах англичан все благородные чувства в отношении других народов».

Единственная цель Британии заключалась в том, чтобы уничтожить торговлю народов, конкурирующих с нею. Россия предложила Англии отношения искренней дружбы, но Англия не приняла его. Она хотела исключить Россию из торговли и уничтожить ее влияние в Азии. Дальше Милютин делал важный вывод: «Англия смело действует против тех, кто отступает перед ней. Но сейчас России нужно отказаться от политики бездействия и вместо стояния на месте двинуться навстречу противнику: мы должны показать англичанам, что терпение России кончилось и она готова принять ответные меры и протянуть руку в сторону Индии».

Когда российские войска начнут выдвижение, народ Индии сможет восстать против англичан. Афганцам также следует воспользоваться случаем отомстить за себя. Когда Индия будет потеряна, в британской экономике наступит паралич, и она перестанет быть угрозой.

Так как российские архивы вообще недоступны для иностранных исследователей, подлинность данного документа не может быть доказана. Учитывая, что он был передан британскому посланнику кем-то, кто украл документ, или купил его в российском дипломатическом представительстве в Тегеране, или подделал ради выгоды, его содержание не может не вызывать подозрения. Тем не менее, его тон подлинный, и взгляды, которые он выражает, встречаются в трудах Милютина и работах многих российских военных, а также правительственных деятелей.

У англичан было множество причин ждать дальнейшего российского продвижения в направлении Ахал-оазиса, а затем к Мерву. Поэтому по установившейся «традиции» в Санкт-Петербурге посол Лофтус (по инструкциям Дерби) вновь предупредил российское правительство, что «сближение аванпостов двух Империй» в Центральной Азии нежелательно, и выражал надежду, что император примет соответствующие меры, чтобы военные не продвигались в окрестности Мерва.

Этот демарш имел не больший эффект, чем все предшествующие за последние двенадцать лет. Однако в Индии настроение правительства изменилось. Лорд Э. Литтон, который стал преемником Норсбрука на посту вице-короля в апреле 1876 г., был сторонником «политики наступления».

Заключение нового договора с ханом Келата, оккупация Кветты и открытие дороги на Кандагар явились знаками новой, более агрессивной позиции правительства Индии. В депеше, отправленной министерству по делам Индии 2 июля 1877 г., Литтон «поворачивает» британскую политику в сторону Персии и Центральной Азии, придавая этому географическому району особую важность.

Изучение российской экспансии в Центральной Азии заставило Литтона сделать вывод, что захват Кизыл-Арвата не был сделан «при удобном случае», но представлялся «важным шагом в долгом, продуманном и хорошо подготовленном движении». Из сообщений капитана Напьера, который, к неудовольствию русских, путешествовал среди туркмен, Литтон узнал, что русские войска были на расстоянии ста пятидесяти миль от Мерва и Герата и что Россия установила контакты с туркменами, которых она собиралась подчинить себе.

По этим причинам капитан Напьер рассматривал занятие Кизыл-Арвата как наиболее значительное свидетельство того, что российские власти имеют определенные цели и планы наступательного характера в своей центральноазиатской политике.

Оценивая возможные последствия российского захвата Мерва, Литтон предполагал, что, если сложившаяся в Афганистане ситуация не изменится благодаря активному вмешательству английского правительства, захват Герата русскими в не очень отдаленном времени непременно последует за оккупацией Мерва, как захват Ташкента последовал за оккупацией Чимкента... Занятие Герата означало бы установление российского владычества или влияния во

всем Афганистане и его распространение до существующих границ Британской Индии, про- никая при этом в Северо-Западную Индию.

Литтону было важно знать позицию британского правительства в сложившейся ситуации: до какого момента оно допускает беспрепятственное движение России и когда считает нужным вмешаться?

Будет ли России «позволено Правительством Ее Величества занять Мерв без сопротивления»? Он предложил предупредить Россию, что ее дальнейшее продвижение в Азии будет расценено Англией как повод к войне.

Нужно достигнуть взаимопонимания с Персией, которое должно иметь практический характер. Она должна получить британскую поддержку для прекращения российских вторжений; для этого следует добиться разрешения на размещение британских агентов с военным эскортом в Мешхеде или Сераксе и предоставления свободного доступа Англии к Мерву. Тем временем, предложил Литтон, британские войска должны помочь туркменам усилить их сопротивление и предотвратить падение Мерва под напором русской армии.

Независимо от вице-короля В.Т. Томсон, британский посланник в Тегеране, призывал к таким же действиям. Он не сомневался, что Россия непременно займет Ахал и Мерв. Тогда она могла бы связать их железной дорогой с Каспийским морем и Туркестаном, что позволило бы ей сконцентрировать силы и угрожать спокойствию Индии. Англии пришлось бы держать такие большие силы на северо-западной границе, что ее ресурсам это нанесло бы большой ущерб. Томсон полагал, что Мерв можно присоединить к Афганистану или, в крайнем случае, к Персии, чтобы предотвратить его аннексию Россией.

В Лондоне предупреждения Литтона и Томсона не произвели сильного впечатления. Даже министерство по делам Индии не разделило беспокойство вице-короля. Солсбери выразил сомнение по поводу того, сделает ли Россия попытку нанести удар по Мерву. Как указывает доктор наук Р.Л. Гривз в своем детальном исследовании политики Солсбери, «ответ Министерства по делам Индии Вице-королю носил черты надменного тона».

Солсбери указал Литтону причины, по которым Россия не нуждалась в Мерве, и поэтому не станет тратить деньги и военные силы на бесполезную операцию. Анализ ситуации, сделанный самим Солсбери, показал, что в настоящий момент нет причин для волнения.

Что касается Мерва, должно пройти много времени, прежде чем российская граница сможет быть передвинута вперед осторожными, постепенными шагами. Когда станет ясно, что захват Мерва является реальным, именно тогда придет время объявить о необходимости применения военных сил.

В настоящее время любая помощь, оказанная туркменам, только приведет к карательным мерам со стороны России и «будет противоречить политике, заявленной Правительством Ее Величества», то есть нейтралитету в русско-турецкой войне.

Рассматриваемая центральноазиатская политика России не была изолированным явлением, что было достаточно ясно продемонстрировано весной 1877 г. 24 апреля Россия объявила войну Турции. Британское отношение к России было враждебным, и возможность активного вмешательства Англии на стороне Османской империи нельзя было исключить. В мае британское правительство предостерегло Россию от попытки заблокировать Суэцкий канал или занять Египет. В июле британский кабинет решил начать войну, если Россия займет Константинополь. Индийские войска высадились на Мальте, Средиземноморский флот был переоснащен.

Когда турецкое сопротивление было сломлено и российские войска достигли предместий столицы Византии, считая Россию наследницей великой империи, британский флот двинулся к Золотому Рогу, что привело две великие державы на грань войны.

Российское правительство предсказывало возможность британского вмешательства. За несколько недель до начала войны с Турцией Александр II провел особое совещание для рас-

смотрения мер, которые будут приняты в случае разрыва с Англией. Милютин указал, что единственное место, где Россия сможет эффективно угрожать Англии, – это Центральная Азия. На совещании обсуждался вопрос о действиях, которые удержали бы англичан от вступления в войну на стороне Турции.

Тайный советник барон Торнау предложил заключить союз с Персией, предоставив ей, за счет Турции, районы Неджефа и Кербелы, священные для шиитов, в обмен на Астарабадскую провинцию. Персидскую провинцию можно было бы использовать как зону подготовки для наступления через Хорасан к Герату. Генерал К.П. фон Кауфманн, генерал-губернатор Туркестана, полагал, что достаточно послать войска к Ширабаду на Оксе и к Мерву, а также достигнуть соглашения с эмиром Шер-Али, антибритански настроенным правителем Кабула. Генерал-губернатор Оренбурга, генерал Н.А. Крыжановский, разделял точку зрения Торнау, что только угроза Герату, исходящая из Хорасана, заставит Англию изменить свою политику. Для этого должно потребоваться большое войско, по крайней мере в сто пятьдесят тысяч человек. Товарищ министра иностранных дел Н. Гирс (он руководил российской дипломатией в течение последних лет пребывания Горчакова в должности канцлера, поскольку очень постарел и ослаб, чтобы нести такое бремя) указал, что союз с Персией вызовет быструю ответную реакцию со стороны англичан, которая усложнит ситуацию и лишит нас преимуществ, которые принес бы нам нейтралитет Персии.

Особые совещания имели исключительно рекомендательный характер. Окончательные решения принимались царем вместе с одним или двумя самыми близкими чиновниками. Как часто случалось, это был именно Милютин, к чьим рекомендациям царь прислушивался. Милютин чувствовал, что при сложившихся политических и военных обстоятельствах широкомасштабная военная операция с целью поколебать британское господство над Индией нежелательна. Демонстрация в Центральной Азии вызвала бы достаточно страха в Англии, чтобы парализовать ее силы в Индии. Персию не следовало подвергать давлению британской морской мощи в Персидском заливе. К Афганистану нужно обратиться через отдельных доверенных лиц или с официальной миссией и уверить, «что продвижение наших подразделений ни в коем случае не является враждебным Афганистану, а напротив, может стать даже преимуществом для него в качестве поддержки его независимости против англичан и, при определенных обстоятельствах, помощью против них».

Другие предложения Милютина касались перевооружения Туркестанского военного округа, отправления военных отрядов к берегам Окса и перемещения их от Закаспийского региона к Мерву, чтобы защищать данную область и завоевать доброжелательность местного населения областей, где, возможно, придется действовать русским войскам. Царь одобрил все предложения Милютина и приказал их исполнять.

Генерал-майор Н.Г. Столетов, который командовал русскими войсками, занявшими Красноводск в 1869 г., был назначен главой миссии в Кабуле. 7 июня 1878 г. генерал К.П. фон Кауфманн снабдил его своей инструкцией (№ 4407), которая определяла цели миссии: «Главная цель миссии Вашего Превосходительства к Афганскому

Эмиру состоит в поддержании в Эмире недоверия к действиям англичан и в воодушевлении его на дальнейшее сопротивление их попыткам утвердиться в Афганистане».

Столетов должен был объяснить афганцам, что Россия, «в отличие от Англии», не покупает ни самих правителей, ни их главных советников, не «пытается поработать соседние страны» политически и экономически, а поддерживает законное правление властителей. Если эмир Афганистана воспользовался бы преимуществом конфликта между Англией и Россией, он мог бы стать главой могущественного мусульманского государства, занимая соответствующие положение и роль, утраченные турецким султаном, потому что англичане подкупали его чиновников и советников. Русские не предлагают взятки – это ниже их достоинства; но они

могут помочь союзнику финансовыми средствами, если он действительно будет в них нуждаться.

Столетов должен был получить разрешение на прохождение русских войск через Афганистан и, в случае необходимости, не только давать рекомендации эмиру, но даже и «принять командование над той частью ресурсов данной страны и войсками, которые, по Вашему мнению [Столетова], по соглашению с Эмиром, казались бы наиболее важными в оборонительном или наступательном отношении против Англии».

В ответ на запросы Англии относительно миссии Столетова Н.К. Гирс сказал, что ни правительство, ни генерал Кауфманн такую миссию не посылали и не собираются посылать.

22 июля генерал прибыл в Кабул. Он был принят с большим почетом эмиром Шер-Али, вручившим ему и его соратникам дар в одиннадцать тысяч рупий (что соответствовало десяти тысячам рублей). Вместо того чтобы разделить дар, который он не имел права принимать вследствие категорического запрета Кауфманна получения денег от азиатских правителей, Столетов быстро обменял индийские деньги на золото и оставил их у себя. Конечно, он не сообщил об этом Кауфманну.

На переговорах с эмиром Столетов значительно превысил свои полномочия, предоставленные ему начальством. 21 августа 1878 г. он подписал официальное соглашение, в соответствии с которым Россия обязалась оказывать Афганистану военную помощь в случае, если он подвергнется нападению со стороны «иностранный державы».

Между подписавшими сторонами устанавливались дипломатические отношения, а Россия должна была предоставить техническую помощь (пользуясь современной терминологией) и военных инструкторов.

Покидая эмира через два дня, Столетов обещал вернуться с отрядом из 30 тысяч человек.

Столетов вышел из Кабула 23 августа и появился в Ташкенте 17 сентября после напряженного, трудного похода. Он отправил с нарочным Кауфманну отчет о своих действиях в Кабуле, в котором создавал впечатление, что Шер-Али стремится к тому, чтобы Афганистан попал под протекторат России.

Такой подход чрезвычайно импонировал Кауфманну, убеждавшему Милютина послать в Туркестан две пехотные дивизии и четыре казачьих полка: «Уклоняться от протектората означает подвергнуть Афганистан не только британскому влиянию, но, возможно, также завоеванию. Следует признать, что такой поворот событий повредил бы нашей позиции на Востоке... Население Афганистана и Индии увидит силу Англии и нашу слабость».

Вице-король Индии лорд Литтон был сторонником сильных мер.

Чтобы противодействовать эффекту миссии Столетова, о которой Литтон был хорошо информирован, он послал собственную миссию; но Шер-Али по совету Столетова не только отказался принять англичан, но даже не допустил их в Кабул. Ситуация стала напряженной. В Ташкенте Кауфманн видел, что война может вспыхнуть в любой момент, поэтому собрал двадцать тысяч человек под свою команду – самое большое российское войско, когда-либо действовавшее в Центральной Азии, но не осмелился принять на себя ответственность за начало войны. Он отправил Столетова в Ливадию, крымский курорт, чтобы доложить царю о ситуации и получить его решение.

Будучи англофобом, Милютин радовался британскому поражению в Афганистане. 22 сентября 1878 г. он записал в своем дневнике: «В Лондоне не могут переварить то, что Шер-Али очень сердечно принял российское посольство Столетова, но отказался принять британское посольство. Какой шумный протест будет поднят, когда станет известно, что правитель Афганистана отправил свое посольство в Ташкент с просьбой взять Афганистан под протекторат России и заявлением, что он не примет англичан в Кабуле без разрешения генерала Кауфманна».

Тем летом европейская ситуация сильно изменилась в результате деятельности Берлинского конгресса (13 июня – 13 июля 1878 г.). Отпала необходимость в действиях против Британской Индии. Незавершенная задача завоевания оставшейся части Центральной Азии осложнилась опасностью столкновения с Англией за Афганистан. Было очевидно, что независимый Афганистан предпочтительнее Афганистана под управлением Англии. Милютин решил не давать англичанам предлог для вторжения в Афганистан. 4 октября из Ливадии была отправлена телеграмма Кауфманну: «Сообщить Эмиру, что он не может рассчитывать на нашу материальную помощь».

Кауфманн был слишком долго поглощен неотложными делами Туркестана, чтобы понять верность решения Милютина. «Этот протекторат, – умолял он своего руководителя, – является очень заманчивым. С его помощью мы могли бы получить влияние на Англию и подчинить ее воле нашего императора». Более того, Кауфманн предупреждал, что отказ от Шер-Али может привести к потере влияния, приобретенного Россией в Азии.

Однако Милютин сдерживал Кауфманна инструкцией, которую получил из Санкт-Петербурга, объясняя, что особое совещание решило не начинать войну с Англией из-за ее столкновения с Афганистаном. Не было разрешено оказывать Шер-Али даже тайную помощь; Кауфманна поставили в известность, что единственный возможный образ действий должен состоять в том, чтобы приложить все усилия для мирного решения англо-афганского конфликта, «а затем оставить англичан в их прежнем изолированном положении».

Было слишком трудно сохранить мир в Афганистане. Побуждаемый Разгоновым, приемником Столетова на посту главы российской миссии, Шер-Али был так же решительно настроен сопротивляться, как Литтон – сломить его сопротивление. 2 ноября правительство Индии опубликовало ультиматум, требуя извинения за оскорбления, а также признания постоянной британской миссии в Кабуле. Русские в Кабуле знали, что Шер-Али не получит от них помощи, но Разгонов настаивал на продолжении сопротивления.

Из Ташкента Кауфманн упрасивал Милютина поддержать Афганистан перед британской угрозой. Он признавал за собой ограниченное знание европейских дел, но полагал, что все существующие и возможные новые проблемы для нас в Европе исходят от Англии, а их решение находится в Средней Азии. Если Россия будет сильна здесь, она сможет достичь всего, что пожелает, на Балканах и в Малой Азии. Но если англичане устроят свои дела в Индии и обезопасят себя от внешних воздействий, то они России никогда ни в чем не уступят.

Шер-Али ответил отказом на английский ультиматум, и англичане вторглись в Афганистан. Россия не предприняла никаких шагов. В доброжелательном, но жестком письме Милютин объяснял Кауфманну причины бездействия. Он прочитал донесение Кауфманна царю. Ни его величество, ни канцлер, престарелый Горчаков, не отрицали правомочности взглядов Кауфманна, касающихся взаимосвязи между общим направлением британской политики и центральноазиатскими делами. Несомненно, успехи Англии в Азии сделают ее более неспокойной в Европе. Но царь не изменил свое решение сохранить мир. Милютин подчеркивал в своем письме: «Наше столкновение с Англией привело бы к большой, упорной войне при обстоятельствах крайне неблагоприятных для нас. Поддержка Афганского Эмира была бы возможна при неизбежном разрыве с Англией. Именно так мы полагали в начале этого года, когда готовились к войне. Сейчас не может быть и речи о любых активных действиях с нашей стороны».

В 1877 г., когда на Балканах вспыхнула война, Персия казалась внешне спокойной. Правительство, испытывая противоречивые чувства, наблюдало за разгромом одного традиционного противника другим, более грозным. Престиж России рос день ото дня, что уменьшало влияние англичан, которые не могли не заметить перемены. Твердый тон, взятый Британией, когда русские войска приблизились к Константинополю; появление английского флота у Золотого Рога; уверенное поведение Дизраэли и Солсбери на Берлинском конгрессе, лишившем

Россию некоторых из ее завоеваний, помогли упрочить положение англичан в Тегеране, но английским дипломатам этого было недостаточно.

Рональд Томсон, британский поверенный в делах в Тегеране, жаловался, что некоторые персидские чиновники не допускают возможность применения Британией силы против Персии. Он предвидел дальнейшее ухудшение отношения к Англии, если некоторая сумма денег не поступит в распоряжение определенных должностных лиц. Томсон подозревал, что Персия дала тайное обещание уступить территории в Закаспии России, находя в этом ответ на вопрос, почему Турция, в соответствии со Сан-Стефанским соглашением, была вынуждена отдать Персии район Котура. В таком случае, писал Томсон, Англии следует занять остров Харг, угрожая Персии оккупацией Мохаммереха (современное название Хорремшехр). Осуществив оккупацию, Англия получила бы множество стратегических преимуществ, а «русские были бы вынуждены колебаться перед выбором: применить силу или дать Персии остаться в ущемленном положении».

7 июля 1878 г. Томсон телеграфировал вице-королю Индии, что его агент в Астарабаде сообщил о высадке русских войск в Чикишляре. Через две недели он доложил правительству Индии, что для предотвращения вторжения в Ахал необходимо убедить персов направить туда делегацию, чтобы не допустить военных действий. Томсон предпринял все возможные усилия, чтобы убедить персидское правительство выступить против российских военных приготовлений, направленных на господство над Ахалом, а также прибегнуть к непосредственному воздействию на племена. Персидское правительство, усвоив прошлые уроки, отказалось действовать и сообщило, «что Шах предпочтет русских туркменам в Ахале в качестве соседей». Несколькими днями позже вице-король получил еще более неприятные известия. Капитан Напьер, «путешествовавший» среди туркмен, собиравший разведывательные данные и, несомненно, пытавшийся организовать сопротивление, сообщал, что персидские власти в Боджнурде, Кучане и везде вдоль границы втайне готовились снабжать российские войска в Закаспии.

Опасения Томсона и Напьера были полностью оправданны. В конце июля Столетов прибыл в Афганистан. Небольшой отряд русских, действующий под прикрытием храброй афганской кавалерии, мог нанести громадный ущерб на территории, лояльность населения которой вызывала сомнения. Войска собирались в Туркестане; другие войсковые подразделения пересекали Каспий со стороны Кавказского военного округа и готовились выступить в поход по направлению к Мерву и Герату. Необъятная страна к востоку от Каспия притихла под проникающими лучами летнего солнца, но надолго ли? Успешное заключение Берлинского конгресса, казалось, указывало на то, что опасность миновала. Однако приготовления русских к кампании продолжались еще в течение двух недель до того, пока наместник на Кавказе и генерал-губернатор Туркестана не получили приказ об отмене царем запланированной демонстрации против Индии и распоряжение не предпринимать никаких шагов, кроме операций локального характера.

Томсон не знал о переброске русских войск вплоть до первой недели сентября. В этот период он продолжал лстить и угрожать персам, протестуя против русских приготовлений к вторжению в Ахал.

Он жаловался мирзе Хосейн-хану, министру иностранных дел, что Россия, в отличие от Англии, обладает огромным влиянием в Иране.

Хосейн-хан на это заметил, что в течение многих лет он старался привести Персию под защиту правительства ее величества, но не преуспел в этом, потому что англичане сами отказались связать судьбы Британии и Персии. Поэтому симпатии шаха в значительной степени отданы России.

Личные обращения к шаху были также неудачны. 14 августа Насреддин искренне признался Томсону, что бессилён остановить проникновение России в Ахал. Отказываясь от своих

притязаний на территории к северу от Атрека, Персия надеялась сохранить свои туркменские земли к югу от реки. «Было время, когда Англия вместе с Персией могли вынудить русских отойти от туркменского побережья, – признал шах. – Но сейчас Персия оказалась вынуждена прийти к этому соглашению; теперь слишком поздно». Тон донесений Рональда Томсона стал ожесточенным; он не хотел признать справедливость упреков мирзы Хосейн-хана. Единственный успех, которого он добился тем летом, был эфемерен. Хосейн-хан обещал отправить еще одну ноту И.А. Зиновьеву, русскому посланнику в Тегеране, относительно Кара-Кале, Ахала и Мерва.

Шах, лично редактировавший ноту, вычеркнул упоминание Ахала и Мерва, оставив только мягкое пожелание, чтобы русские не оккупировали Кара-Кале, незначительную деревню, неверно названную фортом. Возмущенный и разочарованный, Томсон написал Солсбери: «Должно быть ясно теперь, что персидское Правительство не только не будет возражать против захвата всей территории Ахала Россией, но что, когда наступит момент для русской оккупации Мерва, оно будет также способствовать этому плану, отводя войска или отказываясь предъявить свои требования на ту территорию, либо уступая свои права настолько, насколько это необходимо. Не имеет значения наличие официального соглашения или его отсутствие».

Разочарование Томсона было естественным, но нельзя не удивляться его надежде, что беззащитная Персия выступит против России, в то время как могущественная Англия не желала или была не способна остановить русское наступление в Азии. Было что-то нелепое в убежденности Томсона, что Персия должна подвергнуть себя серьезной опасности, чтобы защитить подходы к Индии, в то время как Англия отказалась предоставить свою поддержку, не считая «моральной».

Персидская нота по проблеме Кара-Кале была спокойной и вежливой. В ней отмечалось, что крепость, принадлежавшая Персии, была захвачена правителем Хорасана принцем Хешматом од-Дойлы. Министерство иностранных дел знает, что правительство России всегда было защитником прав Персии, и поэтому просит его превосходительство русского посланника удержать командуящего русской экспедицией от вмешательства в дела Кара-Кале.

Зиновьев знал, что персидский протест был результатом британского давления, и ответил в доверительном тоне. Он выразил признательность за понимание, которое Персия проявила к русским намерениям. Что касается действий вдоль ее границ, то он написал: «Персии остается лишь воспользоваться ситуацией: успешный исход будет способствовать укреплению безопасности ее границ и избавит правительство его величества шаха от необходимости предпринимать и дальше дорогостоящие военные экспедиции».

Не признавая сразу требования Персии на Кара-Кале, Зиновьев обещал передать мнение Хосейн-хана в Россию.

Через четыре дня он получил ответ от начальника штаба Кавказского военного округа, что Ломакин не получал приказ занять Кара-Кале и «до следующей весны он имеет право посылать по направлению к Ахалу только группы разведки». Зиновьев передал эту информацию Хосейн-хану. Точно неизвестно, упомянул ли он при этом слова «до следующей весны», но можно с уверенностью предположить, что он этого не сделал.

6 сентября Рональд Томсон, служивший тогда посланником в Тегеране, узнал об уходе Ломакина. Он приписал это своим протестам министру иностранных дел Персии, который был рад поддержать иллюзию, льстившую Томсону и дававшую преимущество персидскому правительству. Согласно радостному донесению Томсона, отправленному по телеграфу вице-королю Индии, Ломакин рассчитывал на провизию, обещанную правителем Хорасана. Доставка продуктов была предотвращена Томсоном, и Ломакин был вынужден отступить. Фактически продукты были собраны в Хорасане, их доставка была запрещена персидским правительством, но отступление Ломакина началось раньше. Мирза Хосейн-хан увидел возможность доставить Томсону радость и поэтому преувеличил значение инцидента.

Он сказал Томсону, что Зиновьев угрожал ему, обвинив в интриге, которая повлекла неудачу Ломакина; утверждал, что «никакое правительство не помнит так долго добро и зло, как правительство России». Так Хосейн-хан убедил Томсона, что он одержал большую дипломатическую победу. Вице-король Индии принял его версию и телеграфировал свою «особую признательность».

Хотя отступление Ломакина не было вызвано дипломатией Томсона, его последствия нанесли вред русским. Множество кавалерии племен текке появилось перед российским фортом в Чикишляре. Полковник Н.И. Гродеков, будущий историк завоевания Туркмении, предпринявший отважный поход от Ташкента до Астарабада через Герат, докладывал, что туркмены на хорасанской границе ведут себя нагло, даже захватывают иногда русских солдат в непосредственной близости от нового российского форта в Чете.

Английские успехи в Афганистане произвели сильное впечатление в Персии и Центральной Азии, подняв британский и понизив российский престиж.

Санкт-Петербург был в ужасном настроении. Реформы 60-х гг. не отвечали чаяниям прогрессивных слоев российского общества. Радикалы развязали кампанию террора, которая приведет в марте 1881 г. к убийству царя. Дворянство и армия, два связанных друг с другом столпа царского режима, были ожесточены результатами Берлинского конгресса, на котором Австрия и Англия ограбили Россию, присвоив себе плоды русской победы над турками. Правящий класс призывал царя предпринять новые завоевания в Азии, чтобы компенсировать неудачу в Европе.

Военные видели в Англии основного врага России и полагали, что серьезный удар ей можно нанести только в Индии.

Граф Шувалов, посол царя в Лондоне, имевший среди военных репутацию «друга Англии», был одним из первых, кто призывал к решительному наступлению на Афганистан: «С точки зрения нравственности мы не должны оставаться беспристрастными свидетелями завоевания Афганистана. Мы будем наносить Англии удар за ударом. Если до сих пор мы воздерживались от экспедиции в Мерв, то чтобы избежать разрыва с ней». Шувалов призывал к оккупации Мерва, которая раньше или позже будет необходима. Однако он предложил пойти на этот шаг только в случае оккупации Кабула англичанами.

Иван Алексеевич Зиновьев, посланник России в Тегеране, подчеркивал, что короткие, нерешительные экспедиции вроде тех, что были в 1877-м и 1878 гг., были не только бесполезны, но и вредны. Они не остановили туркменских грабежей, но произвели неблагоприятное впечатление в Персии, где британские агенты интерпретировали их как неудачи. Чтобы сохранить российское влияние в Персии, оккупация Ахала должна стать ответом на британские успехи в Афганистане. Зиновьев получил серьезную поддержку великого князя Михаила Николаевича, наместника на Кавказе и главнокомандующего Кавказской армией.

Взгляды вице-короля были отражены в меморандуме, составленном помощником наместника, князем Д.И. Святополк-Мирским, доказывавшим, что дипломатия не в состоянии изменить «закон тяготения политических сил»: Россия и Англия неизбежно встретятся в Азии.

Способ избежать столкновения в Азии состоял не в том, чтобы договориться о том, что Англия и Россия не должны занимать, а в том, что они должны будут занять. Шувалов был прав в своих рекомендациях действовать в ответ на британское вступление в Афганистан. Россия должна продвигаться к Герату через Ахал.

По другую сторону Каспия генерал Ломакин, возглавлявший экспедиции 1877-го и 1878 гг., призывал к действию. Племена текке были враждебны, они нападали на русские транспортные средства и лагеря, стреляли в русских солдат. Генерал считал: «Остается только одно – истребить это бандитское гнездо, стыд и позор нашего времени».

Один из подчиненных Ломакина, полковник Петрусевиц, изложил основные причины для решительного действия против Ахала. «Ахал проходит через российские линии связи от

Каспийского моря в Туркестан. Россия нуждается в удобном маршруте к Герату. Отступление российской армии к Красноводску нанесло ущерб ее престижу, который необходимо восстановить.

До сих пор она сокрушала отряды варваров одним ударом, но затяжная и нерешительная борьба с туркменами позволила им меньше опасаться русских. Они даже брали в плен русских, приравнивая их к персам и подвергая варварским пыткам, за что должны быть наказаны. Даже одного их поражения будет достаточно, потому что оно продемонстрирует невозможность сопротивления; но без сражения Ахал не сдастся».

Вероятно, восьмидесятилетний канцлер, князь Горчаков, должен был возражать против авантюры в Ахале; но его здоровье становилось все хуже, и у него больше не было сил влиять на ход событий. В начале 1879 г. он уехал в длительный отпуск, таким образом заканчивая свою политическую карьеру. Его помощник, теперь управляющий Министерством иностранных дел, Н.К. Гирс, посредственный, осторожный, но профессионально компетентный дипломат, не был политиком. Он полностью принимал руководство Д.А. Милютина и следовал примеру военного министра. Поэтому на протяжении следующих двух лет Милютин фактически возглавлял как внешнюю политику России, так и ее вооруженные силы.

Царь продолжал доверять ему и следовать его советам. Никакое иное мнение не имело большего влияния на монарха. 2 февраля 1879 г. в Санкт-Петербурге было проведено особое совещание под руководством великого князя Михаила Николаевича с участием Милютина, Гирса, начальника Генерального штаба, министра финансов и других лиц, включая полковника А.Н. Куропаткина, будущего губернатора Закаспия, военного министра и верховного командующего в войне с Японией. Заслушав доклады генерал-майора Глуховского из Генерального штаба и полковника Куропаткина, на совещании единодушно решили весной послать экспедицию в Ахал. Главной целью должна была стать туркменская деревня Геок-Теппе, оказавшаяся центром объединения племен текке. Через два дня Милютин, с удовлетворением отметивший, что даже осторожный Гирс не внес никаких возражений, получил утверждение царем принятого на совещании решения. Но царь запретил любое перемещение к Мерву или переход через персидскую территорию. Действия вдоль правого берега реки Атрек и по другую сторону цепи Копетдага не могли быть предприняты без согласия Зиновьева. Только с его разрешения командиры могли покупать пищу и верблюдов в Персии. Посланник в Тегеране был назначен неофициальным политическим руководителем кампании.

Приготовления русских к новой кампании в Закаспии не могли долго сохраняться в секрете. Рональд Томсон знал, что она начнется, вероятно, в 1879 г., и прилагал все усилия, чтобы сделать Персию щитом для Индии. При этом Британия не хотела брать на себя никаких обязательств, ограничиваясь моральной поддержкой. Поверив, что его давление на персидское правительство вызвало отступление Ломакина в прошлом году, он снова прибегнет к той же тактике.

Томсон указал министру иностранных дел Персии, что, несмотря на дружеское предостережение Британии, шах не сделал ничего, чтобы отстоять свои права на Ахал. В начале марта прошли переговоры, где обе стороны изложили свои позиции в отношении действий русских в Туркмении.

Мирза Хосейн-хан сообщил Томсону, что он убедил шаха «искать дружбы с Англией как единственной державой, которая может защитить Персию против России». Шах признавал это, но опасался, что персидские возражения на продвижение русских в Ахал нанесут обиду России. «Будет ли Англия готова защитить Персию против русской агрессии?» Если Англия согласится заключить союз с Персией и защищать ее от русских, Персия «будет протестовать против оккупации русскими Ахала, прекратит поставки русским войскам, откажется нанимать русских офицеров (которых шах пригласил организовать Персидскую казачью бригаду), станет консультироваться с Англией по всем важным вопросам, и английское влияние в стране

сменит русское». Томсон ответил, что Хосейн-хан смешивает воедино вопросы, не имеющие ничего общего. Англия по праву дружбы ожидает, что Персия не позволит использовать свою территорию для прохода русских войск и обеспечивать последних помощью и запасами.

Угроза, высказанная Томсоном, поставила шаха перед дилеммой. Выразить протест русским значило обратить на себя гнев царя, которого шах, как и его отец, был приучен бояться.

Выступая против России, можно было потерять Астарабад и даже Хорасан. Но игнорировать Англию было также опасно. Она могла бы, не выясняя отношения с Россией, захватить Персидские острова в заливе, внедриться в Сеистан, высадить войска в Бушере и распространить свой протекторат на шейха Мохаммара, как она уже сделала в Бахрейне. В любом случае Персия проиграла бы.

Единственный вопрос, стоявший перед шахом и его министрами, состоял в следующем: какой курс был менее опасен, являясь наименьшим злом?

Переговоры, которые начались 2 марта, были продолжены на следующий день. Томсон утверждал, что идея Хосейн-хана относительно англо-персидского союза была неопределенной. Министр иностранных дел быстро продемонстрировал, что это было не так.

Англия жаждала, чтобы Персия выступила против действий русских войск, отказалась нанимать русских офицеров к себе на службу. Персидское правительство было убеждено, что такой курс оскорбит Россию, она, возможно, проявит агрессию, а Персия без Англии не сможет себя защитить.

Томсон опять утверждал, что наличие союза или его отсутствие не имеют никакого отношения к обязательству Персии предъявлять свои претензии на Ахал, а также не снабжать русские войска в Закаспии.

Томсон отказывался признать неспособность Персии противостоять России. Он требовал, чтобы она принесла себя в жертву. Хосейн-хан, чьи симпатии всегда были на стороне Англии, не мог обещать противодействие. Томсон перешел к угрозам: если Персия позволит, без всякого возражения, русским силам пройти к Мерву и Герату по территории, на которую сама претендует, предоставит материальную помощь этим войскам – такое действие будет рассматриваться как враждебное Англии.

В дипломатической практике выражение Томсона звучало почти как ультиматум. В ответ Хосейн-хан снова говорил о дружбе. Если бы Англия дала обещание защищать Персию, та советовалась бы с Англией и действовала бы в соответствии с ее рекомендациями во всех политических и коммерческих отношениях с Россией; участвовала бы в любой акции (военной или дипломатической), которую правительство ее величества посчитало бы необходимым, чтобы контролировать продвижение русских в направлении Афганистана или Индии; дала бы любые преимущества британской торговле, открыла бы реку Карун для британских судов и предоставила другие привилегии.

Томсон ничего не обещал. 13 марта он потребовал разъяснений о позиции Персии в отношении приближающегося наступления русских в Ахал.

Ответ мирзы Хосейн-хана был патетичным: «Персия не любит беспорядков на своих границах. Наступление России по направлению к Ахалу поставило ее в трудное положение.

Что касается Вашего заявления, что эти приготовления враждебны британским интересам в Азии, то оно достойно удивления, поскольку британское Правительство не делает заявлений русскому Правительству с целью предотвратить экспедицию к Мерву. Хотя между двумя Правительствами существует великая дружба и сердечность, но это не позволяет осложнять позицию Персии. Кроме того, предложение, сделанное Вами, и любые шаги, предпринятые персидским Правительством, зависят от главного вопроса – англо-персидского союза. Вы не замечаете главного вопроса, а обращаете внимание на детали. Суть дела в том, что, пока главный вопрос между двумя Правительствами не будет решен, персидское Правительство не может подвергать себя ненужной опасности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.